

ЧЁРНЫЙ
МОЛОТ
КРАСНЫЙ
СЕРП

LEON RAIN

КНИГА 1

Библиотека классической и современной прозы

Rain Leon

**Чёрный молот.
Красный серп. Книга 1**

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

Leon R.

Чёрный молот. Красный серп. Книга 1 / R. Leon —
«Продюсерский центр ротации и продвижения»,
2020 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907379-17-6

История обычной семьи из провинциального города. Свадьбы, гешефты, измены, но в один вечер всё меняется. В дверь постучались офицеры НКВД. Что их ждёт впереди? Репрессии? Этап? Расстрел? Война? Один за другим члены семьи покидают свой дом. А потом приходит ещё одна, общая беда, от которой невозможно укрыться. Можно лишь постараться выжить и отомстить. И ощутить вместе с молодым, но рано повзрослевшим Лёвчиком, что значит терять самых близких людей. Можно сломаться, а можно идти до конца, даже когда не верят «свои» в Смерше. И за это судьба подарит встречу с осколками семьи. Но иногда встреча может оказаться такой короткой... Эта небольшая семья и люди, с которыми они пересекаются — отражение тяжёлых испытаний и той действительности, в которой жила огромная страна. Более чем реалистическое описание событий и персонажей переносит читателя в то время и ведёт руку об руку с каждым персонажем через его испытания. Эта книга никого не оставит равнодушным.

ISBN 978-5-907379-17-6

© Leon R., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Предисловие	5
От автора	6
Часть первая. 29-й разъезд	8
Часть вторая. Арон	28
Часть третья. Свадьба Галочки и Фимы	38
Часть четвёртая. Свадьба. День 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Leon Rain

Чёрный молот. Красный серп. Книга 1

Предисловие

Автор сумел создать современный эпос в лучшем его понимании. В процессе работы над рукописью у меня сложилось ощущение, что я читаю недостающее звено в классической прозе военного времени. Это настоящая семейная сага, полная боли, потерь, переживаний и нежной любви. Здесь трудно подобрать правильные слова, их всегда будет недостаточно. Меня душили слёзы, мне было больно практически за каждого героя, за каждую поломанную судьбу. Умение так неподдельно и искренне написать дорогого стоит. Думаю, семья автора может гордиться такой великолепной историей.

Анастасия Постромина

От автора

Здравствуй, уважаемый читатель.

Хочу поделиться с тобой волнующим событием моей жизни. Я наконец-то решился воплотить давнюю задумку – написать книгу о небольшом отрезке Второй Мировой войны и о подлом, бессмысленном терроре, который ему предшествовал. Я хочу обойтись без высокопарных речей о вероломстве врага и необходимости защищать социалистическое отечество. Я хочу рассказать историю, которая могла произойти на территории СССР во время и до Второй Мировой. Мои деды воевали на этой страшной войне. Часть моих родственников, как и многие другие, не пережили эту войну. Кто-то пал на полях сражений, кто-то был уничтожен карательными войсками только за принадлежность к еврейству, а кто-то выдержал ГУЛАГ.

Среди тех, кто прошёл всю войну, призвавшись в первые же дни добровольцем ещё до достижения призывного возраста, будучи раненым и неоднократно награждённым, был мой родной дядя Соркин Лев Давидович. Был он немногословным, встречались мы не очень часто, о войне он ничего не рассказывал. И совсем недавно я узнал потрясший меня факт – оказывается, мой дядя практически всю войну прослужил в разведке. Могу только догадываться, через что ему довелось пройти, если даже через десятки лет после войны он отказывался об этом говорить. А медалями и орденами он нисколько не дорожил, они были безвозвратно утеряны его сыном в детских дворовых играх. Младший брат Льва Яков и их мать погибли в Полтавском гетто. Каким-то образом уцелел его дед. На Льва пришла похоронка, и его сочли погибшим.

Родной дядя Льва, Соркин Рувим Евелевич, был разработчиком оружия и внёс большой вклад в усовершенствование главного танка СССР во Второй Мировой Т-34.

Меня также потрясло известие о том, что среди моих родственников по другой линии была женщина, слепая от рождения, которая тоже погибла от рук карателей. Я скорблю обо всех погибших, в числе которых и мои родственники, но именно повествование об этой несчастной незащитной жертве вызвало во мне обостренное чувство жалости и сострадания.

Я хочу увековечить память всех своих родных, погибших и пострадавших во Второй Мировой и в годы террора. Это, пожалуй, всё, что я могу сделать для них.

С помощью этой книги мы вместе, уважаемый читатель, погрузимся в тяжелые воспоминания о послереволюционной атмосфере СССР. Тридцатые годы, наполненные террором и первыми признаками Второй мировой войны, узнаем о судьбах простых людей, учителей, инженеров, учеников, обычных гешефтмахеров на примере одной семьи и ещё нескольких персонажей, вплетённых в их жизни. И красные, и белые, и гитлеровские войска, и обычные крестьяне имели каждый свой счёт к моему немногочисленному народу. Давайте постараемся понять тех, кто пытался выжить любой ценой, и тех, кто понимал неотвратимость последнего часа.

Я выбрал на роль главного героя своего дядю Льва. Может быть, именно он и такие же мальчишки, повзрослевшие на этой войне, и были настоящими героями? Незаметными тружениками, никогда не трясшими своими наградами для получения льгот и пытавшимися забыть весь ужас пережитого. Вечная им всем память.

Все персонажи являются вымышленными. Не ищите на картах названия населенных пунктов, все совпадения будут случайными, имена персонажей тоже выбраны случайно и не имеют ничего общего с описанными действиями. Заранее прошу прощения у тех, чьи имена случайно задействованы в этом художественном произведении.

Многие из событий, описанных в книге, имеют под собой реальную основу. Они происходили в действительности, я слышал и читал о них. О некоторых я знаю из уст непосредственных участников Второй Мировой, ещё с тех времён, когда записывал с ними интервью. Другая часть событий реконструируется на основе документальных исследований.

Война – тяжелейшее испытание, где порой, правда и ложь идут рука об руку, а добродетель и самые отвратительные поступки настолько перемешаны, что невозможно определить, порядочный перед нами человек или отъявленный негодяй. Я уверен, что всем, кто прошёл настоящую войну, пришлось встречаться с нелёгким выбором. По мере прочтения книги вы сами сможете решить, кто перед вами – несчастная жертва или нераскаявшийся преступник.

Для того, чтобы в будущем не повторилось то, что без сомнения является величайшей трагедией двадцатого столетия, необходимо изучать историю без сокрытия фактов и документов. Во имя мира, чтобы предостеречь будущие поколения от ненависти и войн.

Leon Rain

Часть первая. 29-й разъезд

Маневровый паровоз сбавил обороты на подъезде к 29-му разъезду, уступая путь встречному составу. Кочегар распрямил затёкшую спину и опёрся руками о лопату. По обнажённому мускулистому торсу стекали струйки пота, прочерчивая неровными линиями светлые полосы на покрытом густой угольной пылью теле. Паровоз фыркнул ещё раз, с шипением выпустил пар и остановился. Разъезд был когда-то маленькой пригородной станцией, со временем надобность в ней отпала, её перенесли на новую ветку. Небольшие строения были приспособлены для технических нужд. На видном месте висели противопожарные инструменты. Брандспойт был исправен, команды стрелочнику передавались по телефонной связи. Линию решено было выделить для прохождения литерных и товарных поездов. Несколько раз в день в западном направлении через разъезд следовали тяжело гружёные составы, охраняемые серьёзными ребятами. С такими не то что заговорить, лишний раз и взглядами не перекинуться. Серьёзные ребята сопровождали серьёзные грузы, непрерывно оглядывая прилегающее к путям пространство колючими, всепроникающими взглядами.

Стрелочник поднатужившись перевёл стрелку, поднял жёлтый флажок, и по заданному маршруту прошёл, глухо постукивая на стыках, литерный грузовой состав. Опечатанные вагоны и вооружённая охрана в начале и конце, присвоенный код «М» открывал зелёную улицу. За задержку такого состава легко можно было угодить под суд по обвинению во вредительстве и получить нешуточный срок. Стрелочник Андрей Митрофаныч или, как его в шутку называли машинисты паровозов, а с их лёгкой руки и остальные, Сарафаныч, стоял рядом со своей стрелкой, немного наклонившись в сторону состава, чтобы не дать оттолкнуть и опрокинуть себя завихрениям горячего воздуха. Всякий раз, когда в просвете вагонов показывался знакомый луг, а за ним лощина, сбегавшая к реке и переходящая в железнодорожный мост, каждый следующий вагон непременно заслонял вид и толкал мощный поток воздуха с оглушительным стуком на Сарафаныча. Но Сарафаныч тоже не лыком шит. Хотя он и работал на железной дороге всего несколько лет, уже повидал достаточно составов и научился разговаривать с ними на их языке. Вот и сейчас, перед подъёмом на горку машинист состава даст гудок, а Сарафаныч пропоёт его про себя. После этого, глянув, в порядке ли задний сигнал, можно вернуть стрелку, пропустить маневровый и вернуться в свою будку. А паровоз тужась будет тащить состав вверх, всё сбавляя и сбавляя ход, словно надывается от непомерной тяжести.

– Привет, Сарафаныч! Давай поменяемся, я три раза в день стрелку передвину, а ты за меня уголёк покидаешь!

– Здоров, Сарафаныч! Угостись папироской. Как жизнь? Плеснёшь водички?

Сарафаныч щурясь принимал папироску, наполнял ведро с пожарного брандспойта и ухмылялся в прокуренные усы. Вот уж балабол этот Фёдор. Доверила тебе Родина уголёк кидать, значит, кидай, а не хочешь, так иди учись, и через пару лет, может, и машинистом станешь. Постояв несколько секунд глядя, как удаляется маневровый, оставляя за собой облако чёрного дыма, Сарафаныч двинулся к будке, снял трубку и бодро доложил:

– Грузовой «М» в заданном направлении проследовал в семь сорок пять. Маневровый на пути к станции. Доложил Крикунов, 29-й разъезд.

– Что так долго, Крикунов?

– Так докладывал вам уже, что стрелку заедает, еле поднимаю. Мне б ремонтную бригаду.

– Ладно, скоро вышлем. Всё.

Мужчина повесил трубку и зажёл старенький примус. Водрузив на него закопчённый чайник, Сарафаныч присел на топчан и стал не спеша доставать из сумки с едой пирожки с картошкой, кусочек сала и пучок зелёного лука. До прохождения следующего поезда было время и можно было не спеша позавтракать. Работать Сарафаныч начинал с шести утра. Принимал

хозяйство разезда у сменщика, проверял замки на кладовых, исправность стрелки, работу телефона, по которому и докладывал о заступлении на смену, расписывался в графике учёта рабочей силы и заступал на дежурство. График не очень удобный, приходилось рано вставать, но уже в четыре часа он был дома, немного отдыхал, если не было срочных дел, и в пять усаживался вместе с вернувшейся с работы хозяйкой ужинать. После чего пару часов возился по хозяйству, поливая огород и пропалывая грядки. Спать ложился в девять, иначе утром вставал с трудом. Строгал и пилил в сарайчике и время от времени извлекал из него то полочку для книг, то табуретку. Соседи, зная об увлечении Сарафаныча, обращались к нему, заказывая разные бытовые мелочи. Он был не жаден, а потому его изделия были во многих домах. Вот и вчера за очередным заказом пришёл сын соседа.

Когда скрипнула калитка, Сарафаныч, уже ожидавший гостя, выглянул из сарайчика.

– А, Лёвочка, проходи.

Восьмилетний Лёвочка бодро прошагал мимо грядок к сарайчику и выжидательно оставался.

– Ты чего такой серьёзный, Лёвочка, никак двойку получил?

– Не, тройку, за диктант, – вздохнул Лёвочка.

– Не переживай, сколько у тебя их ещё будет и троек и двоек, а может даже и пятёрок.

– Троек и двоек больше не будет. Мне из-за поведения оценку снизили. Андрейка Кочан у меня списывал, а меня наказали, чтоб не давал. Я хорошо учусь.

– Вот и ладно. Держи табуретку. Неси домой, я потом с папкой сам разберусь.

– Андрей Митрофаныч, а правда, что вас Сарафанычем зовут?

– Вот я те щас дам такого Сарафаныча! Я вот тебя сейчас крапивой отхожу пониже спины, чтоб ты на уроках сидеть не смог, сразу двоек нахватаешь! – Сарафаныч сделал вид, что потянулся рвать крапиву, и Лёвчик хохоча, с визгом бросился прочь, прижимая к себе новенькую табуретку.

– Да не расшибись, пострел! – рассмеялся вслед Сарафаныч.

Лёвчик мчался по улице, ловко уворачиваясь от соседских дворняжек, привычно атакующих мальчишечьи лодыжки с задорным лаем. Мальчишки и собаки отлично были знакомы и не обращали друг на друга никакого внимания. Но бежать по собачьей улице, пробуждая древние инстинкты, и не быть атакованным – такого просто не могло произойти. К дому Лёвчик подбежал под аккомпанемент собачьих голосов, резко развернулся, высоко подняв табуретку, сделал махательное движение в сторону дворняг и громко крикнул:

– А ну, пошли вон!

Шавки гавкнули для приличия ещё по разу и опасливо отбежали. Лёвчик хлопнул калиткой и промчался по двору, перепрыгивая через ступеньки, взлетел по скрипучей лестнице на второй этаж, пролетел через коридор, заставив взвиться свечой и отпрыгнуть с дороги молодого рыжего кота. А ввалившись в столовую, бухнул табуреткой по полу.

– Лёва, что случилось? За тобой волки гнались? – выглянула из своей комнаты бабушка Клара. – А зохн вэй, Лёва, посмотри на себя, на кого ты похож!

Лёвчик, пытаясь отдышаться, скосил глаза к зеркалу. На него глянул перепачканный ребёнок, лихо удиравший от Сарафаныча по всем лужам огорода.

– Маня, Давид, вы посмотрите на своего сына. А ты стой, не топчи!

Из зала выглянули родители и шестилетний брат Яшка.

– Папа, – сразу же спросил Яшка, – а правда, что Лёвка засранец?

– Кто-кто? – зашёлся смехом отец. – Как ты его назвал? Где ты такое слышал?

Вслед за Давидом засмеялись и мать с бабушкой. Ну Яшка, ну гад, он ещё получит за засранца! В туалет только научился сам бегать, а то всё просил, чтоб ему задницу вытирали! Нет, ему определённо нужно дать взбучку! И Лёвка бросился в бой. Яшку спасли длинные

руки отца. Один раз Лёвчик, конечно, успел ткнуть Яшке в нос, но после этого лишь выполнял пируэты в воздухе и отчаянно молотил перед собой. Яшка тут же разревелся.

– Плакса! Я напишу товарищу Сталину, и тебя не возьмут в Красную армию!

– Возьмут! Я больше не буду плакать! Папа! Скажи ему, чтоб не писал товарищу Сталину!

– Тихо, тихо, дети! Никто никуда ничего писать не будет. Сейчас марш умываться, в Красной армии ужин. Через пять минут всем быть за столом. Иначе все красноармейцы получат у меня!

Лёвчика поставили на пол.

– А красноармейцев трогать нельзя! – Яшка, отбежав на безопасное расстояние, показал Лёвчику язык и погрозил кулаком.

Через несколько минут вся семья встретилась за столом. Прямо к ужину подоспел и дед Самуил. Детей рассадили по разным концам стола, предварительно проверив чистоту вымытых рук, женщины засуетились, подавая на стол, а мужчины плеснули в рюмки по пятьдесят для аппетита и за здоровье товарища Сталина. Холодный щавелевый борщ с селёдкой, картошка-пюре с тефтелями, компот. Наевшихся детей отпустили поиграть, взяв с них обещание не задирать друг друга. Но какие обещания могут сдержать рукопашный бой в борьбе за дело дележа ружей и пистолетов, из которых следовало убить всех врагов революции. Наконец всё вооружение с родительской помощью было по-братски поделено, и мужчины остались одни за столом. Налив ещё по стопке, завязали неспешный разговор.

Самуил Шаевич Кукуй, пятидесятилетний дед Лёвчика и Яши, работал главным инженером в строительном управлении. Уезжал на работу спозаранку и возвращался затемно. Работы было невпроворот, а поставки цемента, кирпича, сантехники и столярки постоянно срывались. По полдня он проводил вися на телефоне, выбивая, требуя, уговаривая, пугая вышестоящим начальством, давя на совесть и обещая все блага мира. Плотники, каменщики, кровельщики и сантехники работали не спеша, а после обеда, приняв на грудь, и вовсе расплзались по щелям, вытащить из которых их было делом непростым. Срывался план, и это тоже было головной болью главного инженера.

– Ох, Давид, снимут с меня шкуру. Скоро уже иностранные гости приезжают, а мы объекты для них никак сдать не можем.

– Так для них вроде как военные строят?

– Так и они не успевают, пару объектов нам подкинули.

– Кто к нам? Летуны или танкисты?

– Да не поймёшь. Под Ольховым лётное поле сооружают, а под Солёным рвы копают. А жить вроде как вместе будут. Ну и дела начинаются. Ну, давай ещё по пятьдесят.

– И я не пойму, у них под Зелёным Станом уже ведь есть аэродром, зачем им ещё один?

– Значит, мало им одного. Вооружается немец, а наши помогают. Будем надеяться, знают, что делают. Ты вот что, Давид, поосторожней с тканью. Уже вся родня и все знакомые в защитном ходят. Как бы не взяли тебя за одно место.

Давид Наумович Соркин служил закройщиком при закрытом ателье, обслуживающем офицерский состав расквартированных в Новооктябрьске частей. С недавнего времени ателье получило заказ на пошив парадной военной формы германским лётчикам и танкистам, проходящим обучение по Рапалльскому договору. Сталин принял решение не входить в союз с Францией и Великобританией, он предпочёл Германию как возможного будущего противника стран-победительниц. И с 1925 года в СССР стали строить военные аэродромы и создавать танковые полигоны. Расходы на содержание объектов немцы брали на себя и перечисляли оговоренные суммы точно в срок, настаивая на такой же педантичности со стороны СССР. Собственно, соглашение было взаимовыгодным. Германия после поражения в Первой Мировой не могла иметь современную армию и поэтому должна была вдалеке от посторонних глаз

тренировать своих лётчиков и танкистов на любезно предоставленных Москвой аэродромах и полигонах. В свою очередь советские специалисты внимательно изучали немецкий опыт авиа и танкостроения, каждый раз убеждая немецкое военное командование присылать для тренировок всё более совершенные машины. И к тридцатым годам на совместных аэродромах прописались «Фокеры», «Юнкерсы», «Хейнкели» и «Альбатросы». Танковые полигоны постепенно сворачивали свою деятельность, и немецкие танкисты, носившие во время занятий исключительно форму Красной армии без знаков различия, отбывали потихоньку на родину спецрейсами, увозя хорошо пошитые новенькие мундиры. И германский «Панцерваффе» пополнялся свежими кадрами, прошедшими качественную подготовку на восточно-украинских равнинах, очень напоминавших многие европейские пейзажи.

Давид Наумович, будучи классным специалистом, во времена НЭПа прошёл великолепную школу в ателье непревзойдённого мастера мужского платья Храпановича в Полтаве. Когда же советская власть решила, что достаточно с неё частных предпринимателей, и прикрыла все заведения, Давид с молодой женой Маней и первенцем Лёвой приняли предложение о переезде в Новооктябрьск, на родину Мани, в дом к её родителям, Самуилу Шаевичу и Кларе Лазаревне Кукуй. Пользуясь связями Самуила Шаевича, Давид быстро поступил в военное ателье, где благодаря школе Храпановича всю применял метод экономной кройки, о чем не ставил в известность коллег и начальство. И каждый раз, получая рулоны ткани для пошива парадного мундира, Давид умело выкраивал что-то и для себя. По установленным нормам, из каждого рулона полагалось сшить по девять галифе, у Давида получалось десять. Нормы на верхнюю часть мундира были иными и шились из ткани другого цвета, но и здесь Давид выкраивал свою долю, которая потом расходилась по родственникам и знакомым. В основном обшивали командирский состав Красной армии, расквартированный непосредственно в Новооктябрьске, но случались и небольшие, на пару-тройку дней, командировки в Зелёный Стан, Солёное, Ольховое и ещё несколько небольших посёлков, где были расположены армейские чайсти, и учебные полигоны, и аэродромы немецких гостей. Да, следовало немного попридерживать коней, для такого небольшого городка слишком много людей, одетых в одинакового цвета костюмы и юбки. Тесть прав, нужно закончить юбку для жены Сарафаныча и на время прекратить шабашки. Скоро будет выпуск в лётной школе, и тогда можно будет выкроить немного чёрного материала про запас.

Тесть, конечно, умный мужик, плохого не посоветует. Однажды Давид и Самуил Шаевич попали в неприятную ситуацию, которая их сблизила. Год тому назад они отправились в выходной на рыбалку на утренний клёв. Заблаговременно накопили во дворе червей и подсыпали им в банку вываренный чай, чтобы не засохли и могли питаться, проверили загодя снасти. Женщины собрали им по паре бутербродов и термос с горячим сладким чаем. Мальчишки, которых обещали взять с собой, вопреки ожиданиям не пожелали просыпаться, а мать не дала будить их насильно. Наскоро перекусив и выпив чая, мужчины отправились в путь. Идти было минут сорок в сторону 29-го разъезда. Не доходя до разъезда, прошли через рожицу, перешагнули через железнодорожные пути и начали спускаться к реке. Обоим показалось, что кто-то пристально следит за ними в роще. Но всё было тихо, и мужчины принялись выбирать места. Несмотря на столь ранний час, здесь уже был один рыбак. Пришлось пройти немного дальше, чтобы не мешать друг другу. Наконец места были выбраны. Немного примяв камыш, поставили рогатки, установили длину лески и насадили червей. Бросили в воду размолотый сухой жмых в качестве прикорма. После каждый закинул снасти, и рыбалка началась. Речка неспешно текла в предраассветной тишине. В месте, где сидели Самуил Шаевич и Давид, был небольшой затон шириной метров тридцать, и течение здесь замедляло свой ход. У начала затона торчал носом кверху полузатопленный старый катер. Когда-то белоснежный красавец перевозил пассажиров и мелкие грузы, но вот состарился и закончил службу в Ершовом затоне. Рыба потихоньку начала плескаться, заквакали лягушки. Сначала одна, а потом и весь хор включился в общую

какофонию. Было темно, рассвет ожидался очень скоро. Белый верх поплавок был еле замечен. Остатки лунного света дробились на мелкие чешуйки в водной ряби. И в отражении этих чешуек, напрягшись, можно было разглядеть качающиеся полавки. Утренний туман менял картинку, стелясь над водой, и лунный свет освещал только небольшие участки воды, пробиваясь через рваные края белой шали, укутывавшей затон. Вдруг поплавок одной из удочек Самуила Шаевича потихоньку дрогнул, разгоняя круги по воде, и замер. Потом ещё раз и ещё, а потом резко ушёл почти весь под воду. Самуил Шаевич быстро потянул удилице кверху, и из воды появилась первая добыча – карась размером с ладонь. Он летел прямо на рыбака, загнув хвост и замерев. Самуил Шаевич схватил на лету затрепетавшую рыбу левой рукой и, зажав правой удочку под мышкой, освободил крючок. Насадил рыбу на кулан – леску с привязанными по краям палочками, одна из которых продевается рыбе через жабры и рот, а вторая крепится к воткнутой на берегу палке, чтобы рыба, находящаяся в воде, не могла уплыть.

– С почином.

– Спасибо.

И вновь воцарилась тишина – шуметь на рыбалке нельзя. Так в тишине оба рыбака попеременно вытаскивали из воды то карасей, то сазанов, то сопливых ершей. Однако тишина была нарушена шумом приближающегося поезда. Состав, снижая ход, пополз вверх, и в это время раздались один за другим хлопки, похожие на выстрелы. Потом послышались крики и ясно различимые выстрелы. Роща, через которую проходили Самуил Шаевич и Давид, ожила, и из неё начали выбегать люди. Одни люди гнались за другими с криками под грохот оружия. Убегавшие падали на землю и больше не поднимались. Несколько человек бежали к реке. Самуил Шаевич выдернул удочки, бросил их в камыши, взял сумку с провизией, термос и велел Давиду укрыться рядом с ним в кустах.

– Замри, – прошептал он. Что такое выстрелы, оба хорошо знали, повоевав в Гражданскую. Но это была не их война с ночными выстрелами, криками и погоней – было бы неразумно просто так подставиться. В нескольких метрах от них с разбегу плюхнулся в воду человек и поплыл, быстро размахивая руками. Он плыл в сторону катера. Если ему удастся добраться, то, прикрываясь корпусом катера, он может попытаться уплыть на другой берег.

Два человека в форме, с ружьями наперевес прыгнули к берегу и стали стрелять в пловца. Сперва показалось, что тому удастся уйти. Темнота и слабый утренний туман мешали догонявшим вести прицельный огонь. Пока один из них не присел максимально близко к воде и в образовавшемся между водой и туманом просвете не увидел пловца. Два выстрела, и пловец начал погружаться в воду, а потом затих и всплыл спиной кверху, течение медленно, почти незаметно стало относить его от преследователей. Один из стрелявших прыгнул в воду, сделал несколько энергичных шагов, ухватил беглеца за ногу и потащил его на берег. Вытащив тело, догонявшие убедились, что он покойник, и отправились наверх. Внезапно один из них увидел рыбака, тот пришёл раньше всех и теперь ошеломлённо наблюдал за происходящим с удочкой в руках.

– Гля! Вон ещё один! Стоять, падла!

Перепуганный рыбак попятился со словами:

– Вы что, товарищи, я же не, я же не... – как будто заело пластинку. Рыбак быстро метнулся назад, осознав, в какой опасности он находится. Но было уже поздно.

– Да стреляй в гада! – Раздался хлопок и рыбак упал.

– Готов. Гля, вроде как рыбак. Может, зря мы его?

– Чего зря!? Может, он на шухере был. Ничего, кому надо – разберутся, а мы своё дело сделали. Нам стрелять приказали, вот мы и стреляли. А одним больше или меньше, какая нам разница? Давай проверим, нет ли тут ещё кого, и пойдём доложимся.

Двое прошли по кромке воды совсем близко от притаившихся мужчин. Один проследовал дальше по берегу, а второй остановился помочиться недалеко от Самуила Шаевича и

Давида. Сквозь ветви куста они видели его тёмный силуэт и слышали журчание. Он остановился как раз в том месте, где был кулан с пойманной рыбой. Закончив отливать, он поспешил за своим товарищем.

Через пару минут их голоса немного затихли. Убедившись, что рядом никого нет, Самуил Шаевич потихоньку выбрался из кустов, Давид последовал за ним. Мужчины понимали друг друга без слов. Через несколько минут рассветёт, и те, кто придут, чтобы забрать тела беглеца и рыбака, могут увидеть брошенные удочки. Тогда они точно догадаются, что здесь ещё кто-то есть, и не успокоятся, пока не найдут хозяев. Иди знай, чем это может закончиться. Пристрелят на месте как сообщников или впают сроки, навесив статью. Нужно выбирать. Молча схватив вещи и столкнув банку с червями в воду, мужчины поспешили в сторону, противоположную той, откуда пришли преследователи. Они прошли совсем рядом с убитым рыбаком. Он лежал на спине, неловко подогнув под себя ноги, и вопросительно смотрел вверх. Одна рука была в воде, а вторая продолжала сжимать удище. На груди виднелось мокрое пятно. В темноте не было видно отверстие от пули, но и так было ясно, откуда оно взялось. Им удалось ускользнуть незамеченными. Правда, в город они входили уже в рассветных лучах, но до дому добрались в целости и сохранности. Наказав женщинам молчать, разошлись по спальням. Сон не шёл, и каждый успокаивал свою половинку. Женщины не на шутку переволновались, представляя, чем всё могло закончиться.

Уже через несколько дней удалось узнать, в чём было дело. Крестьянские хозяйства обложили непомерными поборами. И это в один из самых неурожайных годов. За несдачу продовольствия применяли строгие репрессивные меры. Пытками выбивали места хранения зерна. Тех, кто и под пытками не сознавался, могли расстрелять на месте. Крестьян выселяли из домов, конфисковывали весь скот и всю утварь. После грузили на машины или подводы, и люди исчезали целыми хуторами и деревнями в неизвестном направлении.

Начался голод. Доведённые до отчаяния мужики, многие из которых прошли гражданскую, помогая красным установить народную власть, теперь сами оказались бесправными заложниками новой власти. Защиты искать было негде, прошлыми заслугами никто не интересовался. Всех волновал только план заготовок зерна и изъятия продовольствия практически до нуля, не оставляя ничего для будущих посевов. В некоторых местах вспыхивали стихийные бунты. Доставались из дальних схронов ружья и обрезы. Начали гибнуть и сотрудники ГПУ. Мужчины объединялись в небольшие отряды и пытались добыть продовольствие. Кто-то прознал, что изъятое зерно грузится в эшелоны и отправляется за границу. Один из отрядов решил попробовать отцепить последний вагон эшелона на подъёме у 29-го разъезда, там, где поезда сбавляли ход. Но к тому времени эшелоны были укомплектованы хорошей охраной. Страна готовилась к большой войне за победу социализма и восстанавливала разрушенную экономику, расплачиваясь хлебом. А ещё были поставки в Германию. После Первой мировой немцы не представляли военной угрозы для СССР. Но они могли пригодиться для войны с империалистами, и немецким товарищам следовало помочь.

Новооктябрьск снабжался относительно неплохо из-за военных частей, расквартированных на окраине города, и как необходимая перевалочная станция. До революции это был небольшой сонный городок на востоке Украины. До поры до времени революционные веяния обходили стороной маленький провинциальный Тормахов – так он тогда назывался. Во время гражданской войны город дважды менял своих хозяев. Попеременно его занимали то белые, то красные.

Но ни те, ни другие не смогли добиться однозначной поддержки местных жителей. Люмпены, солдаты, дезертировавшие с полей войны, и еврейская молодёжь, не желавшая более проживать в черте оседлости и быть самой низшей ступенью российского общества, поддерживали большевиков. Народ более устроенный – лавочники, оптовые торговцы, рабочие железнодорожных предприятий, – поначалу не проявил должного интереса к политическим изме-

нениям. Их больше волновала стабильность собственных доходов. Они знали, что нужны при любой власти и поэтому не лезли в разборки между белыми и красными, дожидаясь, пока всё само по себе утрясётся. Митинги в поддержку новой власти не собирали много сторонников. А организаторы за призывы отнять и поделить пару раз даже были биты в тёмных переулках неизвестными личностями, которые практически из братских побуждений рекомендовали агитаторам выбрать для своей деятельности другой город.

Но в один день всё изменилось. На 29-м разъезде остановились два состава. Военно-агитационный поезд и состав с солдатами. По команде из них посыпались бойцы Красной армии. Латышские стрелки, с первых дней поддерживавшие революцию и практически штыками расчистившие Ленину путь к власти, а также три сотни венгерских пехотинцев из числа бывших военнопленных, подданных австро-венгерской империи, проникшихся революционными идеями и примкнувших к большевикам. Руководили их действиями люди в кожаных куртках. Сначала они заняли здание городской управы, телеграф, электро и телефонную станции, городскую тюрьму и часть казарм, а также перекрыли въезды и выезды из города.

После этого стали вызывать на допросы по заранее подготовленным спискам людей. Домой они больше не возвращались. Обеспокоенные родственники с утра до вечера толпились у здания городской тюрьмы, пытаясь получить хоть какую-то информацию и отдать передачу.

Красноармейцы из числа приставленных к тюремной охране с людьми не разговаривали и на вопросы не отвечали. Если же кто-то пытался подойти чересчур близко, молча поднимали винтовки и передёргивали затворы. После этого желание приближаться пропадало. Арестованных набивали в камеры так, что в некоторых не то что лежать, даже и присесть можно было лишь по очереди. Выдёргивали на допросы по одному, в камеры после не возвращали. Их помещали в особые камеры, где содержались уже прошедшие допросы. Многие были сильно избиты и с трудом держались на ногах. На протяжении нескольких дней отобранные из заключённых крепкие мужчины рыли рвы у роши в пятистах метрах от 29-го разъезда. Потом на протяжении недели по ночам из тюрьмы выводили колонны арестованных и уводили за город, отгоняя прикладами воющих баб и прочих родственников, почуявших неладное. Тех, кто не мог идти, везли на подводах. Всех отводили ко рвам, строили на краю шеренгами, и один из одетых в кожаную куртку произносил:

– Именем Советской власти, за контрреволюционную деятельность вы приговариваетесь к расстрелу.

Ружейный залп ставил точку в революционных разногласиях.

На седьмой день были расстреляны последние заключённые, после чего на край рва поставили два десятка мужиков, тех, кто полторы недели копал рвы и закапывал в них мертвецов. Они были последними. Закопать их пришлось самим красноармейцам. Заодно, чтобы не оставлять ненужных свидетелей, расстреляли несколько самых дотошных родственников, выследивших-таки место казни. После чего все погрузились по вагонам, и поезд тронулся. Советская власть была окончательно установлена в Тормашове.

А с началом поставок в Германию город получил вторую жизнь. Множество составов с пшеницей, алюминием, бокситами, чёрным углем и ещё множеством товаров, необходимых для восстановления и развития германской промышленности и армии, следовали и днём и ночью через двадцать девятый разъезд.

Ещё через несколько лет, празднуя десятую годовщину Великой революции, Тормашов был торжественно переименован в Новооктябрьск. Всероссийский староста Михаил Иванович Калинин вручил на торжественном митинге тёмно-красное с золотой бахромой и вышивкой знамя городскому и партийному начальству. Все зааплодировали, и оркестр исполнил «Интернационал». Калинин произнес торжественную речь. Партия доверяет жителям пролетарского и красноармейского Новооктябрьска. Народ и партия выделяют средства на переоборудование старых слесарных мастерских и построение на их базе предприятия по производству техники

широкого профиля. И врагам социалистического государства этот профиль будет поперёк горла. Далее обозначил новые горизонты построения социализма во всём мире, поблагодарил за уже проделанную работу и с сопровождением проследовал на банкет. Партийное и городское начальство, руководители ОГПУ и Красной армии, их жены и секретарши – все старались произвести на Калинина хорошее впечатление. А также, зная слабость Михаила Ивановича к хорошенёким женщинам, пригласили несколько артисток местного Драматического театра. Банкет прошёл как и было положено. Много пили за мировую революцию, за коммунистическую партию, за товарища Калинина и, разумеется, за товарища Сталина. Скоро зазвучала музыка, и желающие повели своих дам на танцплощадку. Пары кружились под звуки фокстротов и танго. Наконец-то женщины получили возможность продемонстрировать дорогому гостю лучшие наряды. К полудню следующего дня дорогого товарища Калинина проводили на ж/д вокзал, откуда едва стоящий на ногах от бессонной ночи всероссийский староста, честно укреплявший единство партии и народа в постели с артисткой Гретой Иванцовой, был торжественно погружен в спецвагон. Поезд тронулся под звуки «Смело, товарищи, в ногу». Ещё какое-то время провожавшие постояли на перроне, допеваая призыв проложить себе дорогу в царство свободы, а после того, как угасли последние звуки, стали потихоньку расходиться.

Следовало незамедлительно начать оправдывать доверие партии и лично товарища Сталина по строительству нового общества в новом городе, названном в честь десятилетия Великой революции. С этого дня следовало трудиться по-новому, посвящая все трудовые победы партии большевиков-ленинцев и лично товарищу Сталину. А органам ОГПУ стоило не смыкая глаз бороться с троцкистскими вредителями. В общем, фронт работ был обширным, и прямо с вокзала все отправились выполнять поставленные задачи.

Какое-то время в курительных комнатах обсуждали якобы лично услышанный кем-то из obsługi рассказ товарища Калинина партийному начальству в присутствии Греты Иванцовой о его путешествии на Байкал во главе экспедиции для поисков золота, захваченного белым адмиралом Колчаком в Казани. То ли белочехи, сопровождавшие Колчака, увели целый состав с половиной золотого запаса царской России, то ли колчаковцы сумели переправить часть золота за границу, рассчитываясь за поставки вооружения и амуниции для белой армии, то ли сумели хорошо спрятать оставшееся золото в Крыму, но никаких особых богатств экспедиция во главе с Калининым не нашла, хотя поиски проводились на том месте, где вроде бы был взорван состав, увозивший золото и рухнувший в результате взрыва в Байкал. Ещё говорили, мол, чтобы остановить продвижение золотого эшелона, согнали всех работоспособных крестьян и под дулами ружей заставили разобрать пятьсот километров железнодорожных путей. Слухи, однако, были вскорости прекращены после того, как obsługy начали вызывать на дознание, выясняя, от кого они исходят. Несколько человек так и не вернулись домой после таких дознаний.

Самуил Шаевич, имевший двоюродного брата в ОГПУ, знал немного больше простых горожан. Однажды Моисей Цехановский поведал ему историю одного раскулачивания. Обычно занимавшегося бумажной работой Моисея не отправляли на оперативные задания по причине слабого зрения, но в этот раз из центрального аппарата пришло строжайшее распоряжение о срочной выемке у кулаков большой партии зерна. Он отправился с остальными. Что конкретно там происходило, Моисей никогда детально не рассказывал, кроме одного единственного случая, когда, придя к брату, непьющий язвенник потребовал себе стакан водки, опрокинул его в себя залпом, тут же налил второй, отпил до половины, занюхал горбушкой, посолил её, положил сверху шмат сала и, медленно жуя, произнёс:

– Какие они сволочи. – Самуил Шаевич замер, боясь уточнить, кто эти «они» – кулаки, прячущие хлеб от трудового народа, или коллеги Моисея.

– Какие они всё-таки сволочи, – повторил Моисей. – Я видел этих людей. У них всё забрали. Я видел их глаза. Я видел глаза их детей. Я никогда их не забуду. Это были не детские

и не человеческие глаза. Их превратили в животных. Мы забирали у них последнее. Они уже съели всё живое вокруг! Они съели своих кошек и собак! – Моисей сорвался на крик. Но тут же, словно спохватившись, уже понизив тон, продолжил, – Дальше только смерть. Им не выжить в том дерьме, в каком они оказались из-за нас. Знаешь, что мы делали, чтобы заставить их отдать хлеб? Нет, ты даже не представляешь, что мы делали! И я тоже это делал. Я был как все. Я ничего не мог поделаться, если б я только заикнулся, меня бы расстреляли на месте. У меня руки по локоть, даже не по локоть, а по плечи...

Моисей затрясся от рыданий, но, собравшись, с усилием выпрямился, отправил в себя оставшиеся полстакана, облокотился о стол и замер, глядя вперёд. Самуил Шаевич боялся шелохнуться. Моисей смотрел в одну точку. Он быстро пьянел, весь мир приходил в движение, плавно начиная кружиться, язык заплетался.

– Они голодали, но держали хлеб для посевов. Они потомственные крестьяне и понимают, что невозможно снять урожай, не засеяв поле. Они готовы были голодать и ждать новый урожай. Они это понимают. Но почему же этого не понимают там...

Моисей поднял указательный палец кверху и потряс им, а после обхватил голову руками и отрешённо замер, словно что-то обдумывая.

– Я никогда себе не прощу. И им не прощу. Будь они все прокляты со своими бредовыми идеями. Они губят страну. Мы им верили. И этому тоже верили. – Он кивнул головой в сторону портрета Сталина. – А они обвели вокруг пальца всех. Шайка бандитов правит страной. И мы для них никто. Они сотрут в порошок любого, кто встанет у них на пути. Все боятся. Они просто трясутся от страха. И это люди, которые воевали с 14-го года. Они ходят перед этими урками на цырлах. Всё, Шмультка, ша! Иначе я тебе такого наговорю, что нас обоих поставят к стенке. Я посижу немного и пойду.

Моисей положил голову на руки и закрыл глаза. Но стало только хуже, он сразу рухнул в неизвестность. Голова закружилась, и он с трудом разлепил веки. Самуил плыл перед ним в жидком прозрачном тумане. Моисей попробовал приподняться, но чуть не свалился со стула.

– Знаешь, что хреннее всего? – Моисей с трудом приподнял отяжелевшую голову – А то, что мы все выполняли одну и ту же работу. И русские, и украинцы, и латыши, и евреи. А запомнят они только евреев. Они смотрели нам в глаза и говорили: «Будь проклята ваша жидо-большевистская власть»! И знаешь, что ещё меня поразило... были там, кроме меня, ещё евреи. Так ведь пара человек так рьяно исполняла приказы, что скажи им и меня к стенке поставить, глазом бы не моргнули. Вот такие дела. А знаешь, что крестьяне сделали с нашей оперуполномоченной в соседнем районе? Помнишь, в газете писали, что на боевом посту, при исполнении и «тра-ля-ля». Помнишь?

– Ну, вроде, было что-то такое.

– Вроде было, говоришь? А я тебе расскажу, что там было. Только если ты кому проболтаешься, то и мне и тебе не жить.

Моисей не отрываясь смотрел на Самуила. Он поднял гранёный стакан и посмотрел на брата сквозь него. Маленькие Самуилы сидели вокруг стола. Моисей поставил стакан. Самуил сидел за столом в единственном числе, замерев, чтобы не мешать ему выговориться.

– Так вот, Шмультка, в Елохонь отряд в сорок человек прибыл. Как всегда, все предписания в норме, тужурки кожаные, кони справные, авангард партии! А кто во главе отряда? Ну, кому ж там быть, как не Адели Гершовне Шнеерзон собственной персоной. А такую суку даже не раз в столетия рожают. Ей всё крови мало. Она совсем помешалась на революционных идеях, шлэпарка пролетарская. Да и то, у неё в погромах родители и брат погибли, вот она и давай отыгрываться на всех подряд. Да не на тех нарвалась. Как только первых расстреляли, с пяти соседних сёл подмога пришла, так отряд окружили, мышшь не проскочет! Ну никто и не проскочил. И Адель не проскочила. Уж не знаю, как остальные жизнь закончили, а выживших там не было, но про Адель я тебе расскажу. Потом карательную экспедицию туда наладили,

так пленных допрашивали перед расстрелом, они и рассказали. Ну кабы только били, считай, легко отделалась. Насильничали её, пока разум не потеряла и не стала как мешок с картошкой. А потом на кол её посадили, представляешь, оперуполномоченную ОГПУ, с мандатом самого товарища Балицкого, председателя ГПУ Украины! Сечёшь, сила какая за ней? Дальше только Москва!

Моисей приподнял стакан, отпил небольшой глоток, сунул в рот краюху хлеба и продолжил.

– И она со своим мандатом в жопе два дня на колу ещё живая была. Потом под ней костёр развели и живём зажарили. Ну прям у Ивана Грозного обучались. А дальше всё как всегда: сначала в газетах общественное мнение развернули в нужном направлении, а позже и нас всех на операцию отправили. А отказаться никак. Приказ сверху, от самого товарища Балицкого. Вот такие, братуха, дела.

С гостем пришлось повозиться. Почти всю ночь Моисей уединялся в туалете, откуда периодически доносились всхлипы. Он пытался освободиться от выпитой водки, но желудок был уже пуст, и ему удавалось извлечь только желудочный сок и горькую желчь, которые лишь усиливали страдания. Он укладывался на диван, где для него было постелено, погружался в полудрёму и даже ненадолго засыпал, но стоило хотя бы чуть-чуть повернуться во сне, как тут же приходилось вскакивать и бежать в туалет. Рано утром Самуил Шаевич налил ему стакан рассола, и тот, понимающе посмотрев на Самуила Шаевича, не спеша влил его в себя. В России и на Украине, наверное, не придумали ещё лучшего средства избавления от похмелья. Через какое-то время Моисей вновь обрёл способность ходить относительно прямо и, наотрез отказавшись от сопровождения, вышел в предрассветное зябкое утро. На прощанье поднёс указательный палец к губам, чиркнул перед ними, как бы отсекая от себя события прошедшей ночи и всё произошедшее с ним в последнее время, и вышел, сунув руки в карманы кожаного плаща.

После того ночного разговора Самуил Шаевич стал относиться к публикациям в центральной прессе с некоторым недоверием, хотя и молчал на людях, делясь переживаниями только со своими домашними. Моисей же после ночного излияния, чувствуя, что наговорил лишнего, какое-то время не появлялся.

После визита Калинина в город приехало много специалистов, в том числе и иностранных. Они досконально обследовали каждый квадратный метр бывших слесарных мастерских, выполнили заказ на проектную документацию и отбыли. Вскоре после был снесён целый квартал, прилегающий к мастерским, и развернулась большая стройка. Самуил Шаевич оказался в нужном месте и в нужное время. Пропадая день и ночь на стройке, он не забывал и про себя. Город строился, и всем нужны были стройматериалы. В этот период он и приобрёл столь нужные знакомства, благодаря которым смог немного позже пристроить зятя работать закройщиком в военное ателье, а дочку Маню – в местную школу учительницей истории. Впрочем, в разрастающемся городе был большой спрос на учителей, и Маня не осталась бы без работы. Школа, в которую попала Маня, была не новая, но хорошо отремонтированная, не в последнюю очередь стараниями отца. Школа, как и положено в начале учебного года, приятно пахла свежей краской и выглядела замечательно. На открытии учебного года присутствовало городское начальство, оставшееся довольным видом обновлённой школы. Узнав, что в устройстве и ремонте школы принимал самое действенное участие Самуил Шаевич, все решили, что, кроме этого еврейского проныры, никто не справился бы с этим делом лучше. Смета на ремонт, как водится, была слегка завышена, но решили в этот раз не устраивать шума по этому поводу, поскольку в школе должны были учиться дети работников горкома партии и городского начальства, которому Самуил Шаевич регулярно помогал, кому на строительстве дачи, кому на ремонте квартиры. Пролетарская революция шагала по странам и континентам, а люди оставались людьми и старались обустроиться надолго и по возможности получше. Многие впервые получали отдельное жильё и были искренне благодарны Советской власти. Казалось, что

до торжества коммунизма рукой подать, и нынешняя власть всерьёз и надолго, скорее всего, навсегда.

Незаметно подошло лето, а с ним и каникулы. За прошедшие с момента переезда Давида и Мани несколько лет они неплохо обжились в родительском доме и произвели на свет второго малыша. Самуил Шаевич перед их переездом привёл рабочих, которые под его непосредственным руководством снесли несколько старых перегородок, установили новые, поменяли окна и двери, и в квартире стало на одну, хоть и маленькую комнатку, больше. Будучи опытным в таких делах, Самуил Шаевич сохранил все квитанции на все виды работ. Всегда бдительные органы могли проверить на предмет злоупотребления служебным положением. В основном жили дружно. Изредка Давид и Маня спорили между собой, и Самуил Шаевич в таких случаях, предпочитая не вмешиваться, уходил в свою комнату или уводил Клару Лазаревну на прогулку. На таких прогулках ему нередко приходилось успокаивать супругу, которая всегда старалась встать на сторону дочери в каждом мелком конфликте, но при зяте никогда не высказывалась. Маня же уверяла, что у них с Давидом всё нормально, они любят друг друга, и просто иногда им нужно выпустить пар. Маня даже несколько раз ставила вопрос о переезде на съёмную квартиру и один раз даже подыскивала подходящую, но старшее поколение, безумно любившее внуков и не представлявшее жизни без них, в одиночестве пустой квартиры, убедило дочь повременить с переездом. Конечно, вместе было легче материально, женщины готовили, помогали друг другу по хозяйству, вечно кроили и шили какие-то блузки и юбки, иногда лишь обращаясь к Давиду за помощью, предпочитавшие женский глаз мужскому. Давида устраивало, что жене легче справляться с домом, дети под присмотром любящих бабушки и дедушки, и он решил не настаивать на переезде, тем более, что сам вырос в многодетной семье и был привычен к шуму и гаму.

Летом детей было решено отправить в пионерский лагерь, а Давид с Маней решили съездить в Полтаву, провести родню Давида и погулять по местам, где гуляли молодая студентка педагогического ВУЗа и уже вполне состоявшийся кавалер с хорошей зарплатой, умеющий красиво ухаживать за девушками, способный закройщик из ателье Соломона Храпановича. В назначенный день детей с чемоданом вещей отвезли на место сбора. Поскольку Давид работал при военном ателье, он без труда договорился о путёвках в лагерь для детей военнослужащих, всего лишь передвинув очередь на пошив для городского военкома. В лагерь ехали на военных грузовых машинах, покрытых брезентом. Дети расположились на продольных лавках. И хотя было жёстко и трясло на ухабах, никто не жаловался, потому что наша Красная армия на таких же машинах перевозит своих бойцов.

Лагерный барак встретил застоявшимся воздухом, и воспитатель Михаил Васильевич первым делом велел открыть все окна. Лёвчик и Яша по просьбе родителей попали в один отряд и заняли койки рядом. Мальчишкам в лагере понравилось. Даже утренние линейки с построениями вызывали чувство принадлежности к чему-то большому и важному. Ведь они как взрослые вместе со всем пионерским отрядом осуждали выявленных нашими доблестными органами врагов народа и дружно скандировали: «Врагов расстрелять! Врагов расстрелять!» А маршировки под речёвку – вот где они чувствовали себя передовым отрядом сталинской гвардии!

Кто шагает дружно в ряд?
Детский Сталина отряд!
Раз в ногу, в ногу раз —
Горе всем врагам от нас!
Общим строем, пионер
Ты для всех детей пример
Мы колоннами по миру

И в Европу и к Памиру.
Там, где вместе дружно ступим,
Коммунизм для всех наступит

И ещё одна, любимая Лёвчика.

Красный серп и чёрный молот,
Коммунизм наш очень молод.
Не согласен с властью нашей —
Перемелем в пыль и кашу!
К стенке мы врагов поставим
И трудиться всех заставим.
Армии сильнее нет,
Завоюем целый свет!

Лёвчик с радостью представлял, как врагов перетирают сначала в кашу, желательно манную, ту, что противно растекалась по тарелке каждое утро, а потом кашу перемалывают в пыль, а он, Лёвчик, держит эту пыль в кулаке, потом раскрывает его, дует, — и всё, больше нет врагов у советской власти, Лёвчик их всех сдул! А потом война! Ну кто же не хочет стать героем? Ружья и сабли, сначала деревянные, а подрастут, и настоящие дадут. Ну тут уж держись, мировая буржуазия! От Лёвчика не скроешься!

Походы на речку и игры в футбол, новые друзья и детские шалости, как, например, залезть в комнату к девочкам и попробовать намазать их зубным порошком, слегка разведённым водой до состояния кашицы. Однажды мальчишки на дневном сне решили намазать всех заснувших. Лёвчик как старший брат весь сон оберегал Яшу, который спокойно посапывал. Отключился он только на несколько минут перед подъёмом. Проснувшись, он увидел Яшу, спокойно спящего на животе, а на спине красовался аккуратно нарисованный зубным порошком крест. Все неспавшие мальчишки хихикали, но никто так и не сознался. После подъёма Лёвчик повёл брата отмываться. Глянув в зеркало, он увидел свою физиономию с нарисованными очками и усами. Переведя взгляд на грудь, увидел нарисованную шестиугольную звезду. Пришлось отмывать не только брата.

Не разрешалось уходить за территорию, но мальчишкам всегда хочется приключений, и несколько человек перелезли через ограду. В процессе прогулки мальчишки разделились, и Лёвчик с Яшей остались одни. По пути к лагерю они набрали на земляничную поляну.

Это было какое-то волшебство. Опустившись на четвереньки, мальчишки ползали от кустика к кусту, собирая не крупные, но сладкие ягоды. Наевшись вдоволь, они вернулись в лагерь и договорились хранить в секрете месторасположения поляны и вернуться на неё через три дня, прямо перед родительским днём, чтобы удивить дедушку и бабушку. Так они и поступили. Перед походом взяли тихонечко в столовой миску, намереваясь впоследствии её вернуть, и отправились на поляну. Их ожидания полностью оправдались — поляна была усеяна красными спелыми ягодами. Мальчишкам так хотелось порадовать бабушку и деда, что они, почти не попробовав, всё складывали в миску. Наконец миска была наполнена, и мальчишки вернулись в лагерь, прошли в свой барак, прикрывая миску от чужих глаз снятой с Яшиных плеч майкой. Миску пристроили в тумбочке и отправились на обед. Бабушку и деда ждали во второй половине дня. Уже на выходе из столовой к ним подбежал их новый друг Тимофей и сказал:

— Там большие мальчишки едят вашу ягоду.

Лёвчик и Яша бросились к бараку. Белобрысый Генка, самый большой пацан в отряде, и несколько его дружков не спеша, с глумливыми улыбками протягивали руки к миске с земля-

никой и медленно отправляли нежные ягоды в противные рты. Лёвчик вскипел и бросился на обидчиков, стараясь хотя бы забрать то, что осталось. Но проворный Генка выскочил навстречу и оттолкнул его. Лёвчик упал и содрал кожу на локте. Поднявшись, он пошёл прямо на Генку с глазами, полными слёз, и, остановившись напротив него, выпалил прямо в лицо:

– Ты белый! Такие, как ты, в Чапая стреляли!

Генка на такое сравнение обиделся и вlepил Лёвчику оплеуху. Лёвчик плюнул обидчику в лицо и схлопотал ещё одну. После этого вмешались другие мальчишки и растащили их. Точнее сказать, оттащили Генку от Лёвчика.

– Ну ничего, еврей, мы с тобой ещё встретимся, – злобно прошипел Генка.

Бабушка с дедом вскоре появились, и мальчишки с визгом накинлись на них, расспрашивая, когда же вернутся мама с папой и как дела дома, как поживают их дружки и все соседские собаки. Они уединились в тенистой беседке, и бабушка достала гостинцы.

– Вот, дети, поешьте свежей клубнички! – Бабушка достала из широкой сумки две одинаковые чашки, доверху наполненные крупными красными ягодами, заранее промытыми и с оборванными хвостиками. Мальчишки переглянулись. Они договорились не рассказывать взрослым о происшествии. Покончив с клубникой, принялись за яблочный пирог. Бабушка Клара была мастерицей, и пироги и пирожки всех видов всегда выходили у неё на славу. Вскоре мальчишки наелись до отвала и отправились показывать взрослым их барак, а после футбольное поле. По окончании визита взрослым пришлось забрать с собой часть еды, т. к. мальчишки, памятуя о судьбе клубники, ни в какую не хотели ничего оставлять.

Возвращаясь домой Самуил Шаевич сказал жене:

– Видишь, Клара, я же говорил, что их хорошо кормят.

– Ты оказался прав. Не переживай, ничего не пропадёт, ведь ты же любишь мои пироги.

– Конечно, дорогая. И тебя очень люблю.

Довольные, они вернулись домой. После отъезда Мани, Давида и мальчишек, дом опустел. Было непривычно тихо. Зато Самуил Шаевич стал уделять супруге больше времени, они гуляли вместе вечерами и вспоминали молодые годы, возвращаясь довольными и помолодевшими.

К Кларе Лазаревне заглядывали подруги, с которыми они устраивали посиделки с чаем и печеньем. Иногда пели. Любили песни Клавдии Шульженко, Александра Вертинского и Петра Лещенко. Слушали на патефоне старые пластинки с песнями французенок Люсьен Буайе и Элиан Сели. Пластинки были довольно заезженные, но очаровательные мягкие голоса проникали в душу и настраивали на романтический лад, унося женщин в их мечтах в далёкую прекрасную Францию. Если были еврейские подруги, то обязательно ставили пластинку Софи Такер с песней «Аидише мама». И каждая сидела, внимая волшебным словам «Майн идише мама, эз гибт нит бэсэр ин дэр вэлт» – «Моя еврейская мамочка, лучше тебя нет на целом свете». И каждая вспоминала свою единственную, дорогую еврейскую мамочку, которая всегда готова ради детей отдать всё самое дорогое, включая жизнь, ибо что значит жизнь еврейской мамы без её любимых детей, даже если у них самих есть уже собственные дети. И каждая из них уже давно была той самой аидише мамой, принявшей эту вечную эстафету – растить и любить детей и обожать своих внуков. Ибо внуки – это мстители. Они отомстят нашим детям за наши бессонные ночи и за все грубости, которые они нам наговорили. И что может быть важнее, чем любить своих мам, мужей, детей и внуков? Ради чего жить еврейской женщине, если рядом нет того, что составляет смысл её жизни?

Однако через несколько дней дома без предупреждения появились Лёвчик с Яшей, решившие, что не хотят больше терпеть побои от Генкиной компании. После происшествия с земляникой Генка с дружками просто не давали им проходу. И в один день они знакомым путём выбрались из лагеря, добрались до дороги и на попутной машине вернулись в город. Клара Марковна первым делом побежала звонить в лагерь, чтобы мальчишек не искали. Потом

вернулся с работы Самуил Шаевич, выслушал рассказ внуков, пообещал назавтра съездить за вещами. Мальчишки наотрез отказались вернуться в лагерь, и их оставили в покое, разрешив быть предоставленными самим себе на время, пока взрослые на работе.

За период после посещения в лагере и до возвращения мальчишек произошёл маленький смешной эпизод. На следующий день после родительского дня был футбольный матч на первенство лагерей, и весь лагерь отправился болеть за свою команду на территорию нейтрального, уже вылетевшего из чемпионата лагеря. Шли лесочком, потом полем и, проходя мимо 29-го разъезда, Лёвчик увидел знакомую фигуру Сарафаныча.

– Привет, Сарафаныч! – поприветствовал он старого знакомого.

– Сарафаныч! Сарафаныч! Сарафаныч! – подхватили другие дети.

– А вот я вам сейчас покажу, какой я Сарафаныч! – с этими словами Сарафаныч взял в руки брандспойт и, направив его вверх, крутанул кран. Прохладный дождь накрыл пересмешиков, и они бросились со счастливым визгом врассыпную.

– Лёвчик! Ядрёна корень! Попробуешь ты у меня крапивы! Вот только вернись домой!

Дети прошли, и развеселившийся Сарафаныч принялся сворачивать пожарный кран. Он несколько не сердился. Будучи в детстве ещё большим сорванцом, сам не раз получал на орехи от дворников и соседей. Он вспомнил себя в этих мальчишках, вспомнил своё детство. Порадовался за сегодняшних, поскольку его детство и юность закончились в 1914 после объявления войны в ответ на мобилизацию российских войск.

Двадцать восьмого июня сербский националист Гаврило Принцип стрелял в Австрийского Эрц-герцога Франца Фердинанда. Через месяц Австро-Венгрия выдвигает ультиматум Сербии, а после начала мобилизации сербской армии, объявляет ей войну. И уже через день началась невиданная доселе по масштабам жертв и разрушений война. Россия объявляет частичную, а ещё через два дня полную, мобилизацию. Германия предъявляет России ультиматум как ответ на мобилизацию. Царь Николай Второй обращается к народу с балкона Зимнего дворца. Народ воодушевлён, стоя на коленях поёт «Боже царя храни» и готов постоять за державу. Ещё через несколько дней военный министр Сазонов на заседании правительства доложил о готовности русской армии. Церковный Синод запрещает ставить ёлку на Рождество, т. к. «сие есть германская придумка, чуждая православному люду».

Закончивший в 1914 году ремесленное училище Сергей Васильевич Болотов записывается добровольцем. Первоначально ему отказывают из-за нехватки нескольких месяцев до призывного возраста. Но он приходит вновь и вновь, и его призывают. Уже после, сидя в промозглых окопах, вдоволь наевшись солдатской каши и досыта настрелявшись, Болотов знакомится с людьми, которые не хотят больше воевать за чужие интересы. Сначала он воспринимает их в штыки, но мало-помалу втягивается, и к началу революционного переворота он уже член солдатского комитета и предъявляет ультиматумы офицерам. Позже пополняет ряды Красной армии и становится убеждённым троцкистом. Выполняет различные поручения одного из помощников Троцкого и числится на хорошем счету. Мотается со штабом Троцкого по всей стране, помогая организовывать Красную армию. Делает хорошую военную карьеру в аппарате штаба Троцкого. После окончания Гражданской войны продолжает работать в аппарате до той поры, пока в 1924 Троцкого не смещают с должности предреввоенсовета. И уже в мае того же года Троцкого клеймят на 3-м съезде РКП(б). Про него стараются вспоминать всё реже, и бразды правления в партии понемногу переходят в руки Сталина. Троцкого вытесняют из армии, а вместе с ним и его людей. Болотов вынужден уехать из Москвы. Ещё до высылки в 1929 году Троцкого из СССР и начавшейся травли его сторонников Болотов через одного из друзей делает себе документы на имя Андрея Митрофановича Крикунова и переезжает в Новооктябрьск. Там устраивается простым рабочим на железную дорогу, знакомится со вдовой и женится на ней. Обязательствами прошлой жизни он не связан. Его первая жена умерла при родах. Младенца тоже не удалось спасти. Бегать больше нет сил. Отпускает русую бороду и

старается носить кепку. Сначала всё идёт хорошо, но потом город наводняется военными, и он вынужден жить в постоянном страхе, что кто-то может его узнать. Жена категорически отказывается переезжать из-за престарелых родителей. Так он становится Сарафанычем и старается жить не высовываясь. Поезда на 29-м разъезде почти не останавливаются, и он уже не похож на того Болотова, что сделал блестящую карьеру. И вряд-ли кто-то его узнает. С его портретами не ходили на демонстрации, он был всего лишь на вторых, а то и на третьих ролях, но оказался неугоден новому хозяину, ловко оттеснившего команду Троцкого и во многом присвоившего себе её славу по созданию Красной армии и разгрому Белого движения.

В тридцать шестом на разъезде остановился военный состав. Командный вагон поравнялся с брандспойтом, из которого Сарафаныч наполнял вёдра водой караульным красноармейцам. Внезапно он ощутил, что на него кто-то смотрит. Сначала не придавал этому значения, слегка разгорячённый работой, но человек за окном командирского вагона смотрел уже несколько минут не отрываясь. Сарафаныч поднял глаза и всмотрелся. Он встретился взглядом с тем, кто смотрел на него. Мороз прошёл по коже. Сомнений не было, человек в вагоне его узнал, иначе он не смотрел бы так долго. И Сарафаныч его тоже узнал. Это был один из пяти маршалов Советского Союза – Сумичевский. Они не раз встречались на всевозможных совещаниях. Тогда Сумичевский был молодым, подающим надежды офицером. Троцкий был весьма им доволен и всячески продвигал. Правда, когда Троцкого смещали с должности, Сумичевский предпочёл отмолчаться, по причине невмешательства военных в дела партии. С тех пор прошли годы, за успехами Сумичевского следила вся страна. Он героически сражался с белополяками, подавлял по всей стране крестьянские восстания, позволяя ОГПУ вычищать их закрома. Он строил настоящую современную Красную армию и был непререкаемым авторитетом в своём деле. Было только одно обстоятельство, мешающее его карьере: он не боялся высказывать своё мнение старой большевистской гвардии во главе со Сталиным. До поры до времени вождь всех народов, гениальный товарищ Сталин, терпел выходки своего главного военного, но потихоньку тучи над ним стали сгущаться. Сумичевский знал об этом, сведения поступали со всех сторон от преданных ему людей, но до конца он не верил, что Сталин решится на прямой конфликт с любимым полководцем, был убежден, что при любом раскладе армия встанет на его сторону. Сумичевский был недоволен политикой Сталина и потихоньку готовил кадры для его смещения. Себя же он видел на его посту.

Увидев Болотова, Сумичевский сначала не поверил своим глазам. Вот так встреча, на этом богом забытом разъезде один из десятка самых влиятельных в руководстве Красной армии людей, приближённый самого товарища Троцкого, на приём к которому невозможно было пробиться? Вот что обстоятельства делают с людьми. Сумичевский отправил к нему своего адъютанта, доверенного человека. Болотову передали, что бояться товарища маршала ему не следует, наоборот, у товарища маршала есть к нему дело. Через три дня товарищ маршал будет следовать в обратном направлении, и ему, Сарафанычу, следует поменяться на ночную смену, будет разговор.

После отбытия поезда Болотов, он же Сарафаныч, долго не мог придти в себя, не зная, что и думать. С одной стороны, он мог быть раскрыт, а с троцкистами в таких случаях не церемонились. Зная о масштабе его личности при Троцком, пощады ждать не приходилось. Ещё одно громкое, отлично срежиссированное поднаторевшими в этом ОГПУшниками дело, и он отправится с дыркой во лбу на свалку истории. Но с другой стороны, если бы маршал хотел его уничтожения, то он немедленно дал бы команду схватить его и тем самым выслужился бы перед Сталиным. Значит, он был нужен ему для чего-то другого. Ясно, что не для должности дворника при Генеральном штабе. Значит, причин для немедленного побега не было. Следовало терпеливо дожидаться момента встречи через три дня и самому выслушать предложение товарища маршала. А в том, что оно последует, Сарафаныч не сомневался.

Три дня прошли как в кошмарном сне: Сарафаныч плохо спал и лишь отшучивался на вопросы супруги, уж не приболел ли он. На всякий случай он подготовился к необходимости моментального отъезда. Наконец, в назначенную ночь, когда Сарафанычу даже не пришлось меняться сменами – так удачно всё совпало, хотя на самом деле об этом позаботились ненавязчиво люди Сумичевского, под предлогом проверки обслуживающего персонала. И при прохождении поезда верховного военного командования он стоял на перроне возле брандспойта. Поезд остановился на том же месте, несколько красноармейцев скользнули с поезда, заняли перрон, расставив караульных, и ещё десяток отправился осматривать окрестности. Сарафанычу дали плащпалатку, накинув которую, он поднялся в роскошный вагон. Его провели в зашторенное купе, где ему крепко пожал руку маршал Сумичевский.

Маршал произвёл лёгкую разведку его сегодняшних взглядов на политическое устройство страны, а после вкратце изложил положение дел и мысли по отстранению Сталина от власти. При таком раскладе Болотов возвращался из подполья и занимал соответствующее его прежнему положению место в руководстве. Разумеется, не в один день, но Сумичевский гарантировал ему своё покровительство. В обмен на это Сумичевский предлагал ему возобновить контакты с Четвёртым Интернационалом – организацией, частично оставшейся на плаву после разгрома троцкистов в СССР и продолжавшей свою деятельность в Европе. Сумичевский через эти и дополнительные личные контакты с высшими чинами Германии, которой СССР оказывал всяческую помощь в военном направлении, хотел заручиться зарубежной поддержкой в случае, если его план сработает, и он придёт к власти. Поддерживаемый во многих странах, он будет иметь большой вес внутри страны, остановит машину репрессий и построит более дружеские отношения с соседними государствами.

От Болотова не требовалось слишком много. Его имя было хорошо известно среди опальных сторонников Троцкого. Ему достаточно было всего лишь пару раз встретиться с кем-то из соратников, чтобы подтвердить свою личность, как его автоматически включали в деятельность интернационала. Раз в какое-то время он будет писать статью, которую у него будут забирать люди Сумичевского, а через короткое время сам Сумичевский подыщет ему непыльную работёнку при своём штабе. От последнего предложения Болотов наотрез отказался, полагая, что ему лучше и безопасней остаться на своей работе и продолжать этот образ жизни до непосредственно времени переворота. А уже после этого он выйдет из подполья. На этот довод Сумичевский не возражал. Ему тоже не хотелось раньше времени привлечь внимание к его фигуре. Оба расстались довольными и с мыслями о предстоящем сотрудничестве.

С этого момента жизнь Сарафаныча ещё раз кардинально изменилась. Он по-прежнему уходил на работу и передвигал заедающую стрелку, но почти всё свободное время на дежурстве он проводил за написанием статей, направленных против Сталина, разоблачающих его кровавый режим и подсказывающих, с каким руководством лучше иметь дело. За короткое время его статьи под псевдонимом стали появляться в европейской прессе. Сумичевский позаботился даже о том, чтобы гонорары попадали к автору. Сарафаныч лишь малую толику денег смог принести в семью, не вызвав у супруги подозрений. Для неё это были маленькие вознаграждения за изготовленные полки и тумбочки, которые Сарафаныч раздавал почти даром. Он теперь всё меньше и меньше чувствовал себя Сарафанычем и всё больше Сергеем Васильевичем, как в давние времена, когда был при делах. Он жил ожиданием больших перемен, Сумичевский понемногу всё более вводил его в курс дела. Он проводил совещания с военным руководством страны, постоянно продвигая самых способных командиров, тем самым обеспечивая себе лояльность высших армейских чинов. Большим местом его оставался вопрос политического управления страной, и в этом, как он рассчитывал, ему могли бы помочь люди из Четвёртого Интернационала, вынужденные бежать из страны после начала тотальных арестов всех троцкистов. Сам Троцкий тоже был проинформирован о готовящемся заговоре против Сталина. И хотя он и был рад этому, не выказывал особого желания на первом этапе возвра-

щаться в страну, где его имя, создателя Красной армии, постоянно на протяжении последних лет валяли в грязи. Сначала Сумичевский и его соратники вместе со сторонниками Троцкого из Четвёртого Интернационала придут к власти, а уж потом и Лев Давидович вернётся в страну и возглавит какой-нибудь наркомат. Сам Троцкий чувствовал, что уже не имеет столько сил и энергии для большого рывка. Ему хотелось спокойной сытой жизни, сопровождаемой небольшими интрижками за спиной супруги.

Однажды приглашённый в остановившийся вагон Болотов был представлен военному атташе Германии. Возможно, немец и не был атташе, но по вопросам, которые он задавал и степени его осведомлённости, а также в связи с ухудшением отношений между СССР и Германией, не много должностных лиц из посольства Германии могли быть столь компетентны по военному вопросу. Имени незнакомца не назвали, но Болотову это было не нужно. Незнакомец аккуратно прошупал его мнение об отношениях между странами и его позиции в этих отношениях, в случае если Сумичевский со сторонниками придёт к власти. Ответами Болотова незнакомец остался вполне удовлетворён. Болотов уверил его, что относится к Германии с должным уважением и будет рад заключению долгосрочного мирного соглашения. Незнакомец также обнаружил информированность касательно опубликованных в западной прессе статей Болотова и выразил сожаление, что такой человек должен скрываться на такой незавидной должности. Собеседники остались довольны друг другом. Болотов чувствовал, что становится всё более значимой фигурой, и ему это явно импонировало. На прощание незнакомец протянул ему несколько машинописных листков на русском языке, попросив немедленно уничтожить их по прочтении, с тем, чтобы чуть позже передать ему своё мнение о тексте. По его уверенному тону Болотов заключил, что у них ещё будут встречи и не одна. Он не ошибся: господин в великолепно пошитом костюме, обладающий явной военной выправкой, появился появился ещё дважды. Болотов изложил ему своё видение по предложенному плану взаимодействия германского руководства с будущим правительством Сумичевского. Его внимательно выслушали как незнакомец, так и сам Сумичевский, выразив одобрение по предложенным поправкам.

Однако планам этим не суждено было сбыться. Как всегда это бывает, среди большого количества офицеров, с которыми встречался Сумичевский, нашлись несколько, состоящие негласными осведомителями ОГПУ, которыми в последнее время были наводнены штабы армий. Сумичевского вызвали в Москву на совещание. Ничего не подозревая, он отправился туда в своём великолепном вагоне лишь в сопровождении ближайших штабных офицеров, которые вместе с ним должны были представить партийному руководству страны доклад о положении дел в военной сфере. Встреча по пути в Москву стала последним свиданием Болотова с Сумичевским. На ней Сумичевский намекнул, что всё уже готово, утрясаются последние детали переворота. Нужно подождать ещё месяц или чуть больше. Болотов проводил Сумичевского весьма обнадёженным. По прибытии в Москву Сумичевский был немедленно арестован со всем штабом и препровождён в секретную тюрьму ОГПУ, откуда он не мог связаться ни с кем из преданных ему офицеров. После более чем двух недель изнурительных и жесточайших пыток сознался во всём ему инкриминируемом, а затем подписал все бумаги, которые перед ним положили в надежде, что на суде сумеет повернуть ход истории и восстановить справедливость. Был немедленно развёрнут большой процесс по разоблачению высших военных чинов, якобы продавшихся иностранным государствам. На самом деле деньги интересовали Сумичевского не более и не менее, чем любого другого человека. Его целью была смена приоритетов правительства в отношении собственных граждан, он считал абсолютно безосновательными проводимые процессы над верными ленинцами, а также он был за создание новых родов войск вместо безнадёжно устаревшей кавалерии. Старая гвардия вместе со Сталиным и его любимым усатым полководцем, собирающимся махать шашкой в следующую войну, сразу почуяла, чем им грозит победа Сумичевского в случае попытки заговора, и вовремя подсутилась с арестом. В тот же день подготовленные тайным отделом ОГПУ, специально созданным для раскрытия

заговора военных, начались аресты по всей стране. Переворот Сумичевского был сорван, хитрый Сталин показал себя опытным борцом с инакомыслием. Страну потрясла серия расправ с лучшими командирами Красной армии. К счастью Болотова, его имя не всплыло на допросах. Сумичевский оказался порядочным человеком и не выдал его, несмотря на страшные пытки.

Ещё какое-то время Болотов жил как на пороховой бочке, ожидая ареста с минуты на минуту, но постепенно успокоился, полностью погрузившись в каждодневную обыденность, сопровождавшую его жизнь на протяжении последних лет. Всё вновь переменялось, когда в тридцать девятом СССР и Германия заключили пакт Молотова-Риббентропа. Незадолго до подписания пакта через двадцать девятый разъезд проследовал необычный состав. За несколько часов до его прохождения люди в синих фуражках оцепили весь разъезд. Каждые несколько десятков метров вдоль полотна находился вооружённый боец. Место у телефона занял офицер. Сарафанычу, в которого опять так быстро превратился Болотов, было предписано не задавать вопросов и подчиняться распоряжениям офицера, что он и сделал. Состав остановился на разъезде, обходчик тут же отправился с молоточком простукивать буксы, люди в форме сотрудников ОГПУ, явно знакомые с работой железной дороги и вспомогательных служб, кинулись наполнять водой резервуары. Сарафаныч лишь выполнял распоряжения, боясь вызвать их излишнее внимание к себе любым словом или жестом. В какой-то момент, повернув глаза к вагону, он увидел, как ему показалось, знакомый всему советскому народу силуэт, наблюдающий за ним из-за пуленепробиваемого стекла. И хотя Сарафаныч не был уверен, вероятно, наблюдавший за ним держал в руке курительную трубку. Сердце ушло в пятки, они хорошо знали друг друга в прошлые времена, а обладатель трубки имел к тому же великолепную память. Вся надежда была на то, что с момента их последней встречи прошло уже много лет, и вряд ли в железнодорожнике, одетом в мятую форму, можно было угадать человека, который в своё время мог запросто отправить его на какую-нибудь второстепенную должность в провинцию, откуда было бы почти невозможно вернуться в Москву.

Сарафанычу казалось, что человек с трубкой за окном спецвагона очень внимательно наблюдает за ним. Но никто не подошёл к готовому проститься со свободой, а потом и с жизнью, Сарафанычу. Ещё через некоторое время через двадцать девятый разъезд проследовал ещё один поезд, навсегда запомнившийся Сарафанычу. Этот поезд тоже охраняли очень серьёзно, правда не так, как тот, в котором ехал человек с трубкой.

И в этот раз за Сарафанычем наблюдал человек из-за стекла. Правда, он не курил трубку и вообще отличался более здоровым образом жизни, предпочитая обильным кавказским застольям скромную вегетарианскую еду. Он не был облачён в военный френч, но классический костюм сидел великолепно на его начинающей заплывать фигуре, словно был пошит самим Храпановичем в Полтаве двадцатых годов. Сарафаныч узнал его, он не мог не узнать – во всех советских газетах были его фотографии. На советских людей смотрел спокойный, уверенный в себе, слегка усталый от тяжёлой работы человек с маленькой щёткой чёрных усов. Ну совсем как у Чарли Чаплина в «Новых временах». Но обладатель этих усиков явно был настроен более серьёзно, чем непревзойдённый мастер комедии.

Зато, когда открылась дверь вагона, на Сарафаныча смотрел уже знакомый по встречам с Сумичевским атташе. Сарафаныча словно ударило током, и он немедленно отвернулся, чтобы не встретиться с господином взглядом ещё раз. Но господин атташе проявил завидное упорство, не сводя с Сарафаныча взгляда, пока ему не пришлось подчиниться чужой воле. Они смотрели друг другу в глаза, ничего не говоря, без лишних движений, чтобы не быть неправильно истолкованными сотрудниками ОГПУ, охраняющими разъезд. Они посмотрели друг на друга всего две-три секунды, но потом, вспоминая этот момент, Сарафаныч готов был поклясться, что он ощутил на себе вполне доброжелательный взгляд стальных глаз атташе. Разумеется, он узнал Сарафаныча, но не будет же он выдавать его властям, обличая тем самым и собственную причастность к несостоявшемуся заговору. Паровоз выпустил со свистом пар,

и состав повёз гостей вглубь страны. На какой станции гость сошёл с поезда, Сарафаныч так никогда и не узнал, как и большая часть советских людей.

О развитии дальнейших событий Сарафаныч узнавал, как и все советские люди, из газет и радиоточки. Когда объявили о пакте Молотова-Риббентропа, он сразу понял, что будет большая драка и передел мира. А когда германские войска вошли в Польшу, а потом к ним присоединились и советские, то последние сомнения улетучились. Следя по карте, как каждый из будущих противников занимал ту или иную страну или область, Сарафаныч понимал, что долго это не продолжится и два диктатора сойдутся в кровавой битве. Особенно ясно это стало, когда Сталин стал перемещать свои войска в сторону Плоешти, где было румынское нефтяное месторождение, снабжавшее Третий Рейх горючим. Гитлер немедленно разгадал коварный план Сталина, и карусель событий стремительно понеслась по кругу, всё набирая скорость, и в конце концов уже никакая сила не могла её остановить. Жребий был брошен. Незадолго до ввода германских войск на советскую территорию к идущему с работы Сарафанычу подошли двое неизвестных с хорошей выправкой и небольшим прибалтийским акцентом. Они упомянули два имени в разговоре, первым было имя Сумичевского, а вторым германского атташе. Они предложили встретиться в таком месте, где они бы могли поговорить наедине, не опасаясь чужих глаз и ушей. Сарафанычу пришлось крепко напрячься, чтобы определить место, где он не вызовет подозрений, встретившись с этими аккуратными и ухоженными мужчинами. Наконец место было согласовано, и Сарафаныч, страшно боясь провокации со стороны ОГПУ, всё же рискнул прийти. На встрече присутствовал ещё один господин с хорошими манерами. Мужчины сразу объявили, что для общего блага никто не будет называть никаких имён. Они привели для его успокоения несколько фактов из его встреч с атташе, которые могли быть известны только ему и покойному Сумичевскому. Если бы кто-то готовил ему провокацию по делу Сумичевского, то не стал бы выжидать так долго.

Это был во всех смыслах интересный разговор. Сначала речь шла о том, что Советский Союз незаконно захватывал страны вокруг себя и ввязывался во всё новые военные противостояния. Потом разговор перешёл в более предметное русло, заговорили о странах Балтии. Сарафаныч снова стал Болотовым, от железнодорожника, строгоющего в свободное время табуретки и полочки, ничего не осталось, кроме одежды. Сейчас перед господами с прибалтийским акцентом (в том, что его собеседники именно оттуда, Болотов не сомневался) сидел опытный политик, прекрасно разбирающийся в международных вопросах. Болотов решил пойти ва-банк – ему был симпатичен господин, руководивший разговором. Для ОГПУ не было бы большой разницы в степени его откровенности, а для Болотова была. Если то, о чём говорил сидящий перед ним господин, было правдой хотя бы наполовину, то его могли ожидать большие перемены. Правда, он ещё хорошо помнил о своих ожиданиях по поводу плана Сумичевского, но, поразмыслив, решил, что готов вновь рискнуть. Господин, назвавший нейтральное имя Юзеф, предлагал ему сотрудничество. Учитывая ситуацию, в которой находился Болотов, особого выбора у него не было. Идти в ОГПУ с донесением о попытке вербовки и связях с Сумичевским значило подписать себе смертный приговор. Оставался второй вариант, и он сулил большие выгоды. К концу разговора Болотов понял, что война между Германией и СССР неизбежна, но это не стало для него новостью, поскольку вполне стыковалось с его собственными прогнозами. Важным было другое – в случае продвижения армии, которая, как выразился господин Юзеф, будет освобождать этот мир от заразы коммунизма, новому правительству понадобятся надёжные помощники, хорошо понимающие систему управления в советской России и имеющие определённую поддержку среди военных и гражданских руководителей разного уровня. Конечно, для начала нужно будет выполнять любое поручение, а после становления нового порядка уже будет рассмотрен вопрос о серьёзной должности.

Болотов выразил было опасения по поводу того, что в Германии расправляются с коммунистами, на что Юзеф красиво парировал, заявив, что он уже давно не коммунист, а скорее

антикоммунист, понимающий, насколько в стране назрели перемены. После этого он передал ему привет от одного из сотрудников Четвёртого Интернационала, по словам Юзефа, тоже отошедшего от идей коммунизма и принявшего идею национал-социализма. Юзеф также заявил, что сегодняшний руководитель Германии – очень прагматичный и достойный человек, высоко ценящий и продвигающий преданных людей. На сегодняшний день Болотов получал первое задание, точнее сразу два. Он должен составить списки людей, которых можно было бы привлечь, по его мнению, к работе в случае смены режима, и учёт всех эшелонов со спецгрузами, проходящих через его разъезд в обе стороны. В конце беседы господин Юзеф вручил Болотову небольшую пачку с крупными купюрами, где, по беглой оценке, была его зарплата за пару с лишним лет. Болотов, разумно рассудив, что и одного факта разговора с этими господами хватит ему для расстрела, вне зависимости от того, провокация ли это ОГПУ или действительная попытка изменить родине, сунул деньги в карман. Идеология идеологией, но денег пока никто не отменял. Обе стороны остались довольны взаимопониманием. Болотову показалось, что за ним никто не следил, он вернулся домой и, запершись в своём сарайчике, надёжно спрятал деньги.

События последующих месяцев показали, что господин Юзеф оказался хозяином своего слова. После сдачи Болотовым своевременных отчётов ему регулярно и хорошо платили, а также изготовили для него и его жены новые документы, чтобы в случае опасности они могли уехать и затеряться. На те документы, что в своё время Болотов припрятал для себя, он больше не мог рассчитывать. Бумага на них пожелтела, да и сами бланки были уже другого образца. Иногда Болотова мучила совесть за связь с резидентами иностранной разведки. Но он убедил себя, что хочет России только лучшего будущего, которого она, безусловно, достойна, но только под другим руководством. Его грела мысль, что он будет одним из архитекторов построения нового порядка, который принесёт его соплеменникам истинную свободу и избавит от сталинской тирании. И он искренне этого хотел.

Накануне вторжения Германских вооружённых сил на территорию СССР он получил чёткие инструкции о том, что должен делать. Болотов всё выполнил в точности как было указано и помог диверсионной группе выйти в нужное место, чем обеспечилось выполнение ею задания командования. Нужно было переждать время боёв за город, т. к. бомбы и снаряды ещё не научились различать своих и чужих. И здесь, как говорится, бог миловал. Он благополучно пересидел это время. После в город вошли немцы, и нужно было дожидаться, пока в Новооктябрьске не установится новая власть, после чего он сможет обратиться к городскому начальству, представив рекомендательное письмо, которым его снабдил господин Юзеф. Не предъявлять же такое письмо первому же встречному солдату. Терпение с лихвой окупилось, к тому же и к новому городскому начальству он попал вовремя. Новый комендант города Хольц принял его вполне доброжелательно, а узнав о его прошлой военной карьере, предложил подумать о службе в полиции. Болотов, помня слова Юзефа о том, что сначала нужно будет выполнять любую нужную новой власти работу, согласился, и его немедленно направили в учебный центр, вернувшись из которого через пару месяцев, он получил пост начальника Новооктябрьской полиции и перед ним остро поставили вопрос о борьбе с партизанами. Так Болотов начал понемногу засылать своих людей в партизанский отряд.

Часть вторая. Арон

Арон Цинберг вернулся в Тормашов, повоевав на Первой Мировой, а потом и в Красной армии, проведя без малого два с половиной года в окопах. Арон сошёл с поезда на 29-м разъезде и не спеша, надев на себя скатку и вещмешок с нехитрым армейским скарбом, чуть прихрамывая пошёл к дому. Как же он соскучился по домашним запахам и по маминой стряпне. Уходил из дома совсем мальчишкой, а теперь возвращается опалённым войной, понюхавшим хорошую порцию пороха солдатом. Теперь он сможет сесть с отцом за стол и на равных пропустить стаканчик-другой. Поговорить за жизнь, благо той жизни он в свои неполные двадцать четыре года повидал сполна. С любовью только не сложилось. Некогда было крутить любовь. Да и какая там любовь? А как вылезли из окопов, так начались протесты в солдатской среде, и мир разделился на белых и красных. Белое офицерство брезгливо и высокомерно относилось к инородцам, да к тому же полностью пролетарское происхождение Арона не оставило ему выбора, кроме как примкнуть к большевикам. Но и на стороне красных повоевал он недолго и был списан по болезни подчистую.

Арон не спеша шёл вдоль луга и любовался неспешно текущей рекой. Как было хорошо в детстве с разбега влетать в её прохладные воды. Как летели брызги из-под мальчишечьих ног и как с оглушительным визгом шарахались в сторону девчонки. Эти изнеженные существа, предпочитающие входить в воду, погружаясь с каждым шажочком по сантиметру, да так и до завтра не зайдёшь! Это всё равно, что бульдогу хвост обрубать каждый раз по сантиметру вместо того, чтоб укоротить одним ударом. Нет, промедление было не для него. К тому же не знал он другого способа произвести впечатление на девчонок. Как давно это было. Белый катер неспешно, разрезая речную гладь и гоня волны к берегам, вёз пассажиров. С берега они казались беззаботными, нарядными, весело проводящими время. Арон поднял руку и помахал в сторону катера. Несколько рук взметнулись в ответном приветствии. Арон улыбнулся: как мало нужно для счастья, идти по скошенному лугу домой да махать беззаботным зевакам с катера, вот и улыбнулись все друг другу.

Тёплый ветерок наполнял воздух сладкими запахами цветущих трав и кружил голову. Пройдя около пятисот метров, Арон остановился и сильно закашлялся. Лицо его побагровело, глаза налились, горло забулькало, извергая неприятную слизь. Прокашлявшись, Арон отплевался и отёр рот рукавом гимнастёрки. Надышавшись в окопах немецким газом, Арон приобрёл стойкое расстройство дыхательных путей. Врачи бессильно разводили руками, назначали ингаляции, один раз он даже попал в санаторий-кумысолечебницу, где дважды в день выпивал по пол-литра кисловатого брызжущего в нос кумыса. Кумыс ударял в голову и какое-то время даже пьянил. Но настоящего эффекта не было, и сколько-нибудь серьёзно поправить здоровье не удавалось.

Так в свои годы Арон стал отчасти инвалидом из-за проблем с лёгкими и дыхательными путями. К тому же, сильно кашляя, Арон вызывал выброс желудочного сока в гортань и очень мучился от ожогов. Иногда даже приходилось спать полусидя. И вот сейчас, возвращаясь домой, он не мог не задумываться о своём будущем. Какая женщина захочет разделить судьбу с человеком, который внезапно впадает в состояние жуткого кашля? Кому захочется связать жизнь с человеком, которого даже неприятно поцеловать?

Дойдя до окраины, Арон присел передохнуть и отдышаться на первой же скамейке. Посидев несколько минут и отпив воды из фляги, он поправил обмотку на левом ботинке и продолжил путь к родительскому дому. Арон не спеша шёл по улицам родного города, без труда узнавая вдоль и поперёк исхоженные переулки и улицы и дивясь изменениям. На многих домах реяли красные флаги. На каждом квартале виднелись большущие агитплакаты. Три красноармейца, лихо несущиеся к счастливой жизни на открытом авто, на фоне плаката с надпи-

сю: «Мы победим» и винтовкой в руках самого молодого из них. Ленин, указывающий путь народным массам. Удалой чёрно-белый красноармеец с кудрявым чубом из-под лихо сдвинутой папахи, призывающий граждан сдавать оружие. Да и как можно было не откликнуться на призыв такого добра молодца? С десятков рук покорно протягивали револьверы, винтовки, штыки и сабли.

Улицу Товарищескую переименовали в улицу Троцкого, основателя Красной армии. Переулок Колпачный в Матросский, улица Николаевская превратилась в Проспект Советов, улица Царицынская – в Энгельса. Собственно, дома остались прежними, но, поменяв хозяев, казались неухоженными, а может, и правда были таковыми. Вместо одного справного хозяина, содержащего дом в порядке, теперь командовали домоуправления и товарищества, плотно заселившие каждый квадратный метр площади пролетариями. Народу в домах стало не в пример больше, вкладывать в бесплатно полученное жильё собственную копейку никто не спешил, и дома потихоньку меняли свой парадный вид на серый и безлико-грязный. У семи нянек дитя без глаза. Так и дома потихоньку становились уныло безглазыми. Покосившиеся двери не спешили поправлять, парадные выходы иногда были заколочены крест-накрест досками, и жильцы входили и выходили через чёрный ход. Уборные изгажены большим количеством посетителей. Заходившим же следовало быть предельно аккуратными, чтобы не наступить на отходы человеческой жизнедеятельности. Запахи били в нос. Но люди ко всему привыкали и даже переставали жаловаться. Жизнь была ключом. Молодые любили друг друга, несмотря ни на что. Дети носились как угорелые до поздней ночи. Мужчины постарше собирались на лавочках, поигрывая в картишки и домино. Молодёжь кучковалась поодаль. В общем, все были при деле. Революционный дух сквозил из всех щелей. Всего-то и осталось победить мировую буржуазию, освободить от гнёта мировой пролетариат, чтоб он мог железной рукой содрать шкуру с капиталистического Запада. Дел было неспорно. Поднажать, поднапрячься, приложить усилия и под руководством партии большевиков обрести подлинное счастье.

Вот и родной переулок Глиняный. Название не изменилось. Те же домики, колонка на углу. Сколько воды он перекачал на этой колонке? А сколько лилось просто так, когда разгорячённые играми подростки мчались к ней напиться? Один качал, а остальные, смеясь и отталкивая друг друга, пытались наперегонки напиться под крики взрослых, недовольных большими лужами. Какая же вкусная была эта вода! Арон обошёл лужи у колонки и продолжил путь домой. Из ближайших ворот вышла растрёпанная женщина с ведром и, широко размахнувшись, веером выплеснула содержимое почти под ноги Арону. В воздухе неприятно запахло. Раньше бы за такое надели ведро на голову! Арон хотел было сказать женщине, что он о ней думает, но она уже повернулась к нему спиной и, качая полными бёдрами, пошла к воротам, держа на вытянутой руке перевернутое, продолжающее капать ведро. Хлопнула калитка, и Арон остался на улице один. Ещё два дома, и он подошёл к родному крыльцу. Стучать пришлось долго. Арон волновался, думая, что скажет родителям, гадая, кто же подойдёт открыть, отец или мать. Наконец послышались шаркающие шаги, дверь распахнулась. На пороге стоял абсолютно незнакомый человек в шароварах и грязной майке.

– Чего тебе, мил человек? Али ищешь кого?

– Мой это дом. А где родители мои?

– А почём мне знать, где твои родители? Я здесь только год живу. Всё честь по чести. У меня и ордер имеется. В пустой дом въехал. Так что, мил человек, шёл бы ты отсель подброду.

– Я тебе сейчас как пойду, – вспыхнул Арон, грозно надвигаясь на мужчину. Но тот оказался не робкого десятка, ловко пихнул Арона в грудь обеими руками и проворно захлопнул дверь. Арон побарабанил ещё пару минут, но никто ему так и не открыл.

На шум выглянула соседка Пелагея Ивановна.

– Ой, Арончик, ты что ль?

– Я, Пелагея Ивановна. Вот, вернулся, а меня домой не пускают. А родители мои где?

– Ой, Арончик, а ты и впрямь не знаешь?

– Нет, ничего не знаю. Я только вернулся. Писем от них уж года два как не получал.

– Ой, касатик, – вдруг запричитала Пелагея Ивановна.

У Арона от дурного предчувствия сжало сердце.

– Что? Что случилось? – закричал он.

– Ой-ёй-ёй-ёй-ёй, – выла соседка, – ой, голубчик, ой сиротинушка-а-а-а..Нет твоих родителей, погубили их.

– А сестра?

– И её, голубушку, красавицу ненаглядную нашу, погу-би-и-и-и-ли.

Арон обмер. Новость оглушила его. Ноги подкосились, и он сполз на крыльцо. Сделалось душно, и дрожащей рукой он начал расстёгивать гимнастёрку.

– Кто погубил? Да не войте, Пелагея Ивановна! Толком скажите!

– Да, да, конечно. – Пелагея Ивановна кончиком повязанного поперх головы платочка отёрла слёзы. – Погром у нас был.

– Какой погром?

– Знамо какой, яврейский. Сначала казаки лютовали, а потом и местные им помогать стали. Жуть какая. Много народу извели. И родителей твоих забили. До смерти. – Пелагея Ивановна перекрестилась. – Бог всё видит, воздастся супостатам, гореть им в аду!

– Видит, да ничего не делает, – горько произнёс Арон. – А моих кто?

– Да кто там разберёт. Мы по домам попрятались. Такой страх. Один такой высокий, в папахе был, а остальных и не углядела. Мы и в окно выглянуть боялись. Ой, как же ты теперь? Куда ж тебе податься? Идём Арончик, я тебя хоть пирожками накормлю. Идём, идём.

Пелагея Ивановна потянула Арона за рукав, он покорно встал и пошёл в крохотную комнату.

На десяти квадратных метрах помещалось всё добро Пелагеи Ивановны: кровать с высокой периной и тремя подушками, тумбочка около неё. Маленький стол у единственного окошка. Пара стульев, небольшой шкаф и сундук, накрытый белой, тонко вязаной накидкой. Небольшая горка с посудой.

– Да ты скидай всё с себя, умывальник в сенях.

Арон скинул вещмешок, а за ним и скатку. Подвинул всё к сундуку и пошёл к умывальнику. Намылил серо-коричневым обмылком руки и поднял клапан. Неровная струйка воды потекла ему на руки. Закончив умываться, он вытерся рушником, поданным Пелагеей Ивановной. Его била нервная дрожь, и ничего поделать с этим Арон не мог. Пелагея Ивановна поставила на стол тарелку с пирожками.

– Ешь, Арончик, пирожочки только напекла. С картошечкой. Ой, да ты дрожишь весь. Сейчас, сейчас, – засуетилась она, открывая дверцу горки и извлекая оттуда початую бутылку. – Давай помянем родителей твоих. Хорошие люди были. Ой, как жалко...

Арон плеснул себе водки в гранёный стакан. Подумал и долил ещё. Плеснул и Пелагее Ивановне. Быстро резким движением опрокинул он водку. Дёрнулся от обжигающего потока, хлынувшего в гортань, замер на несколько мгновений, глядя, как Пелагея Ивановна, перекрестившись, опрокинула содержимое своего стакана. Арон плеснул себе ещё и так же резко, залпом отправил в себя порцию огня, опалившего его до самых внутренностей. Арону хотелось сгореть в этом огне. Он потянулся было ещё к бутылке, но его руку накрыла рука Пелагеи Ивановны. Арон поднял на неё глаза. Мягкая тёплая женская рука вызвала в нём приступ жалости к родителям, и он разрыдался. Пелагея Ивановна притянула его к себе и прижала к груди. Через минуту, когда Арон уже мог членораздельно говорить, она ласково сказала:

– Ты поешь, Арончик. Я тебе сейчас и огурчиков солёных достану. А потом мы с тобой и поговорим.

Арон жевал пирожки вприкуску с солёными огурцами и слушал Пелагею Ивановну. Город переходил из рук в руки. Пришли белые. Поначалу всё было тихо, но как-то раз казаки повздорили с еврейской парой. То ли грубо им ответили, то ли вообще никакого ответа и не требовалось, в общем, пьяные казаки пару эту зарубили шашками. И началось. Местное население подхватило их почин, и два дня в городе лилась еврейская кровь. Под шумок выносили из еврейских квартир всё, что могли унести. В конце концов оставшихся евреев заперли в школе возле штаба, и командир воинского соединения Белой армии полковник Селиванов со взводом солдат встал между погромщиками и школой. И когда оголтелая от безнаказанности толпа, жаждущая еврейской крови, неслась к нему, сжимая в руках топоры и колья, он как военный человек отдал чёткую команду:

– Взво-о-о-од! Товсь! Поверх голов пли!

Выстрелы охладили пыл нападавших погромщиков. Они замерли и попятились назад. Остановившись, посоветовались, и от толпы отделились три делегата, показательно положившие на землю колья и топоры.

– Не стреляйте, мы хотим поговорить со старшим.

Несмело приблизившись, один из них начал было:

– Нехорошо, господин полковник, против народа-то идти. Какое вам дело до этих жидов? Всё одно, вы уйдёте, мы их придушим. Общее ведь дело делаем. Должны же хриstopродавцы за свои дела ответить.

– Я русский офицер. И я присягу давал воевать за Россию, а не заниматься погромами! И если кто-нибудь сделает шаг вперёд, я прикажу открыть огонь!

– Да что с ним говорить, кончать его вместе с жидами, – ринулся было к полковнику один из делегатов, но тут же упёрся в пару штыков.

– Взво-о-од! Товсь! По погро-о-мщика-а-ам, – зычно растягивая слова, командовал полковник.

Толпа дрогнула и ринулась врассыпную. На этом погромы прекратились. И даже когда под ударами красных белым пришлось покинуть город, погромов больше не было. Евреи несмело возвращались по своим разграбленным домам. Погибших от рук погромщиков свезли на еврейское кладбище. У кого были родственники, тех похоронили за их счёт в отдельных могилах, остальных же из-за большого числа погибших пришлось наспех хоронить в общей. Как ни крути, а евреям была одна дорога – к красным. Там и во главе Красной армии еврей, товарищ Троцкий. И ещё много евреев рядом с Лениным делали революцию. И хоть ЧК тоже натворила дел, расстреливая и изымая ценности в фонд революции, но всё-таки никого не расстреливали только за то, что он был евреем. И даже наоборот, попытки погромов всячески пресекались. Хотя и ходили упорные слухи, что в других областях евреям и от красноармейцев доставалось не меньше, чем от белых, так то были те же в недавнем прошлом белые солдаты, только-только перешедшие на сторону красных и ещё не успевшие пропитаться пролетарским духом интернационализма. А раз так, то и следовало им простить старые привычки. Пусть бы на первое время. А то кто же будет воевать против белых?

Арон и Пелагея Ивановна ещё долго говорили, вспоминали жизнь до революции, соседей и родителей Арона. Наконец, поздним вечером Пелагея Ивановна постелила Арону на сундуке. Арон лежал на жёсткой фанере и не мог заснуть. Ноги не помещались и свисали с сундука. Приходилось поворачиваться на бок. Но как только Арон поворачивался, тут же тошнотворная волна подкатывала к горлу, и он вскакивал, захлёбываясь в кашле. Пелагея Ивановна подала ему полотенце, чтобы он мог утираться.

– И что ж с тобой, касатик, такое? Ведь выпили всего ничего.

– Газом немецким я надыхался в окопах. Вот лёгкие мне и попортило. Да вы не бойтесь, я не заразный. Только вот кашляю и плююсь с тех пор. И уйду я утром. И сейчас бы ушёл, да не знаю куда.

– Ладно, утро вечера мудренее. Поспи, коли сможешь.

Пелагея Ивановна вскоре заснула, разморённая водкой. Во сне она ворочалась, почмокивала губами, временами слегка храпела. Кровать скрипела под ней. Арон так и не смог поспать. Утром он поднялся рано, Пелагея Ивановна ещё спала. Он взял вёдра и пошёл на колонку. Две женщины набирали воду, и он встал в очередь.

– А вы чьих будете? – поинтересовалась одна лет сорока.

– Я вырос на этой улице. Вернулся вот с войны. А дом наш занят, и родителей убили.

– Сочувствую. Я наверняка не знала ваших родителей, мы здесь недавно. Удачи вам.

– Спасибо.

Арон наполнил вёдра водой и неспешно пошёл к дому. Он проходил мимо крыльца, когда приоткрылась дверь его квартиры, и он увидел вчерашнего мужчину. Заметив Арона, он моментально захлопнул дверь изнутри. Плюнув в его сторону, Арон прошёл в прихожую, откуда был вход в комнату Пелагеи Ивановны. Хозяйка ещё спала, и ему пришлось терпеливо дожидаться, когда она проснётся. Пелагея Ивановна, проснувшись, стала хлопотать и греметь сковородкой и вскоре подала к столу яичницу со скворчащим салом.

– Ой, какая я дура. Ведь вы же сала не едите...

– Да не волнуйтесь, Пелагея Ивановна, солдат ест всё, что попадает к нему в тарелку.

Почти молча они позавтракали, и Арон, попросил об одной услуге – постучать в дверь его бывшей квартиры и попросить, если что осталось, взять на память о родителях. Пелагея Ивановна выполнила его просьбу. Новый хозяин квартиры исчез на какое-то время внутри, но потом вернулся и вынес маленького деревянного слоника, который когда-то стоял в доме родителей на комод. Арон бережно взял слоника в руки. Сколько раз в детстве он играл с ним и ещё тройкой таких же. Слоники были разного размера. Те, что постарше – мама с папой, поменьше – дети. Вот и у него когда-то были мама с папой, а они с сестрой были детьми. А сейчас он один. Поблагодарив Пелагею Ивановну, он достал из вещмешка платок, что привёз для матери.

Пелагея Ивановна не хотела принимать подарок, но Арон убедил её, что ему некому его отдать, а ей память будет о его родителях. И она взяла платок, прижала его к груди и опять прослезилась. А когда Арон зашагал прочь, тихонько перекрестила его во след.

Арон решил посетить место родительского захоронения и прочитать поминальную молитву кадиш. Пелагея Ивановна не знала, где похоронили погибших. Следовало найти кого-то, кто мог знать, и Арон отправился к зданию синагоги. Минут через двадцать он подошёл к зданию, где когда-то собирались евреи, чтобы читать свои молитвы. Некогда белое, тщательно побеленное здание с аккуратно покрашенной дверью потеряло свой гордый праздничный вид и присоединилось к семье безликих и ободранных. Евреи почитали своего неведомого Бога, даже когда он не присматривал за ними и отдавал их на растерзание другим народам. Хотя обещал он, что станут они избранным народом. Только толком так и не объяснил, что избранным не значит любимым. Избрал он их для каких-то своих непонятных целей. Нести свет его учения в массы. Не так уж многочисленен народ его, чтобы быть услышанным во всех концах земли. Не донесут они весточку. А кто, если и отправится, то может раньше, чем донесёт учение Божье, сложить голову. Дремучи люди по природе своей и не хотят внимать заветам Божиим. Напридумывали себе других богов и живут в невежестве. По душе им другие учения. Вот воодушевились они ленинским, и погрузилась огромная страна в гражданскую войну. Комиссары и чекисты несли знания в массы на штыках революции. Им не нужен был талмуд с мудрёными буквами. Ленин всё объяснил просто и ясно. Отнять у богатых и отдать бедным. Всё чётко и доступно. И комиссары, и чекисты всех мастей, русские и украинцы, латыши и евреи, татары и башкиры, азербайджанцы и армяне – все дружно несли новое учение в массы. Их было много, и они были злы, вооружены и беспощадны. И их слышали. И учение их приняли. Потому как доходчиво объяснили, что либо принимаем новое учение, либо расплющит

тебя революционным молотом, либо рассечёт революционным серпом, если откажешься принять новую революционную религию. И дома своих революционных богов ещё как-то содержали в относительном порядке. А уж чужих им было и не просодержать.

Арон глянул на обшарпанную дверь, на которой висел замок. Вывески с еврейскими буквами над дверью тоже не было. Обычно в этот час синагога уже бывала открыта, и прихожане читали утреннюю молитву шахарит. Синагога была угловым зданием. Арон поочерёдно дошёл до каждого угла постройки на обеих улицах, заглянул во двор и не обнаружил никого. Следовало найти кого-то, кто мог бы подсказать, где сегодня собираются евреи. То, что это место прекратило быть синагогой, Арон уже догадался. Прохожих было не видно. Процокала пролётка с надменным кучером в синей косоворотке. Мужчина в светлом костюме и женщина с томным взглядом сидели, прижавшись друг к другу. Арон невольно проводил их взглядом. Будет ли когда-нибудь и в его жизни такая вот женщина?

В конце квартала находилась булочная, и Арон отправился к ней. За прилавком неспешно отпускала товар светловолосая и слегка полноватая женщина лет тридцати. Когда-то Арон с друзьями называл таких перезрелыми старухами. Сейчас же она показалась ему довольно симпатичной. Арон встал в очередь. Хлеб ему был не нужен, а вот сушек взять не помешало бы. Кто знает, где и когда ему придётся пообедать. Продавщица отвесила ему полкило и высыпала прямо в открытый вещмешок. Про синагогу она ничего не слышала, остальные покупатели тоже. Арон вышел на улицу. Ещё ему следовало встать на учёт в военной комендатуре. Этот адрес люди знали лучше, и вскоре он вошёл в двухэтажное здание, где, найдя нужную комнату, предъявил документы. Суховатый, немолодой мужчина с щёткой усов под носом поднял на него глаза и вцепился ими прямо Арону в переносицу. Долго вчитывался в документы и въедливо рассматривал печать. Задавал вопросы про службу, спрашивал, какое он имеет отношение к Тормашову. Арон спокойно отвечал на все. В конце концов, он закашлялся, надуваясь и багровея. У проверяющего вопросов больше не было. Его поставили на учёт и велели сообщить адрес, когда он у него будет.

Арон вышел на улицу и задумался, куда ему все-таки идти. В этом городе у него больше никого не было. И ничего не было. Точней, была могила родителей, и это, пожалуй, было единственным, что его ещё как-то могло связывать с ним. Но с другими городами его вообще ничего не связывало. Арон вздохнул и не спеша побрёл по улице. Он решил подходить ко всем, кто ему будет казаться евреем, и спрашивать за синагогу.

Он шёл, вглядываясь в лица людей, и не находил, к кому подойти. Наконец, он увидел пожилую пару, в чьём происхождении не было никаких сомнений.

– Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, где сейчас находится синагога?

Оба пожилых человека вздрогнули от неожиданного вопроса и уставились на Арона. Полный мужчина в светлом костюме и соломенной шляпе, на ногах летние, в дырочку туфли. Также полная женщина в платье с лилово-зелёными цветами, с высоко уложенными волосами, ярко накрашенными губами и томным взглядом. Мужчина смерил Арона сверху вниз, задержался на пуговицах гимнастёрки и только потом посмотрел Арону прямо в глаза. Женщина, чуть отступив назад, стояла, вцепившись в руку мужчины.

– Молодой человек имеет интерес к религии? Или по долгу службы?

– Да какой там службы. Я только вчера приехал, неделю как демобилизовался, я жил в этом городе, а мне сказали, что родители и сестра погибли в погроме, я хотел кадиш прочитать.

– Да, это было неприятное время. Мы сами еле спаслись. Как фамилия ваших родителей?

– Цинберг.

– Нет, к сожалению, не довелось знать. А синагоги больше нет. Советская власть Бога упразднила. Но миньян¹ вы можете собрать. Я вам сейчас дам адрес, пойдёте по бывшей Тро-

¹ десять человек – необходимый минимум для произнесения молитвы

екуровской до бывшей Станичной, там на Театральную, где в пятьдесят седьмом доме живут Троепольские. Они у нас сегодня центр еврейской жизни. Скажете, Вольчек прислал. Я тут неподалёку, при Дворце пионеров веду шахматную секцию. Если скажете мне когда, то постараюсь тоже присоединиться.

– Вы женаты, молодой человек?

– Фридошка, ну ты просто не можешь, чтобы никого не сосватать...

– Нет, я только вернулся. Служил, а до службы не успел.

– А где вы живёте?

– А с этим у меня проблема, нашу квартиру уже заняли. Пока у меня нет жилья.

Фридошка замолкла, перебирая в голове возможные варианты. Где и кому может подойти зять, который только вернулся с войны, не имеет работы и своего угла. Типичный босьяк. Ей надо иметь потом цурес на свою голову за такое сватовство? Она и так всем помогает только за спасибо. Так хотя бы спасибо получить, а тут...

– Поговорите с Троепольским, может, он вам что-нибудь подскажет. У него есть связи.

– Большое вам спасибо, – и Арон зашагал по указанному адресу.

Старшего Троепольского не было дома, дверь открыл его сын, почти ровесник Арона. Высокий, начинающий полнеть, с голубыми глазами и кудрявым чёрным волосом, он вопросительно уставился на Арона.

– Здравствуй. Мне Троепольских.

– Ну, мы Троепольские.

– Тут такое дело, меня Вольчек к вам прислал.

– А, Мирон Львович?

– Ну да, – ответил Арон, вспомнив, что и не спросил имя и отчество Вольчека. – Тут такое дело, – и он обрисовал суть проблемы.

– Хорошо, но этим у нас папа занимается. Ты можешь попозже зайти, после шести, он придёт со службы.

– Хорошо, спасибо.

Арон вновь остался один на улице, но сейчас он хотя бы знал, что обратился в нужное место. У него оставалась куча времени, и он пошёл в сторону городского рынка, присмотреть себе гражданскую одежду и попозже пообедать. Рынок встретил суетой и толкучкой. Приходилось смотреть по сторонам, чтобы ни с кем не столкнуться. Арон прошёл к вещевому ряду, долго ходил, выбирая, наконец, решился и купил себе брюки и рубашку, а в соседнем ряду ботинки и фуражку. Сложил все в вещмешок и выбрался из торгового ряда, вдохнуть свежего воздуха. Арону нравилось скопление хорошо одетых людей. На рынке было спокойно, война в Тормашове давно закончилась, и это было видно: то и дело мимо проплывали хорошенькие барышни, некоторые с мужьями, некоторые в одиночку или с мамами. Арон охотно глазел и на тех и на других. Он отвык от женщин и сейчас старался наверстать упущенное. Время медленно ползло, он уже сходил пообедать в столовую. По сравнению с армейской едой, всё показалось ему очень вкусным. Деньги пока были – увольняясь со службы, он получил хоть и небольшие, но честно заслуженные гроши. Рынок потихоньку сворачивал свою деятельность. Торговцы грузили товар на тележки, чистили прилавки и потихоньку расходились по разным сторонам. Подпорченные фрукты и овощи бросали в большой мусорный бак, около которого копошился десяток людей. Арон с недоумением смотрел на них. Неужели им мало того, что советская власть даёт им? Не может быть, чтобы кто-то голодал. Ведь революцию для того и сделали, чтобы рабочие люди могли досыта есть. А может, это бывшие буржуи? Эта мысль развеселила его, и он подошёл посмотреть вблизи на бывших эксплуататоров. К его удивлению, перед ним, копаясь в баке, находились самые обычные люди, немного в возрасте, но никак не напоминавшие бывших богачей. Видимо, такова человеческая природа, что всегда кто-то

будет копаться в мусоре. Смотреть на мусорный бак было неприятно, и Арон отошёл. Время приближалось к шести. Он отправился к дому Троепольских. Дверь открыл тот же парень.

– А, это ты, проходи, садись во дворе, на скамейке. Папа ужинает, закончит и выйдет. Ты кушать хочешь?

– Нет, мне, если можно, только напиться.

– Сейчас принесу.

Арон осмотрел двор. Небольшой, но чистый домик, свежепокрашенный туалет в углу участка. Небольшой флигель, возле него фруктовые деревья и кусты. Чуть дальше маленькие грядки с луком и чем-то ещё. Ничего особенного, типичный двор. Арон присел на скамейку и стал ждать, отгоняя мух. Вышел с кружкой воды парень, протянул Арону. Холодная вода приятно освежала. Минут через пятнадцать появился хозяин дома. Сын был похож на отца, только тот был повыше и чуть грузнее, но в лицах ясно угадывались общие черты.

– Здравствуйте, молодой человек. Я вас слушаю, по какому вы делу?

– Мне Вольчек дал ваш адрес и рекомендовал с вами поговорить. Понимаете, я только вчера вернулся. Я воевал.

– Я понимаю, что в такой одежде вы ничем другим заниматься не могли. Но я ведь не занимаюсь военными.

– Да нет, я уже встал на учёт. У меня другое дело. Я пришёл домой, а там занято. Соседка рассказала, что родителей и сестру убили при погроме. Белые убили.

– Вполне возможно, что и белые.

Заметив вопросительный взгляд Арона, Троепольский добавил:

– Видите ли, молодой человек, вне зависимости от того, что вы думаете, что Барух Троепольский сошёл с ума и наговаривает, у нас было несколько погромов. И были такие, в которых участвовали красноармейцы. Их было меньше, но они тоже были. И они тоже убивали и грабили. К сожалению, вам это больше никто не расскажет, но вы пришли от Вольчека, а я знаю его за порядочного человека и уверен, что он не подошлёт ко мне доносчика. Вы ведь не доносчик?

– Нет, нет. Что вы, мне нужно кадиш по родителям и сестре прочитать. Больше мне ничего не нужно. Я же не могу один, нужен миньян, да и где похоронили, я тоже не знаю.

Троепольский задумался, подняв глаза кверху.

– Так, мы с Оськой, Вольчек, Цапкин, Левин, Шапира, Горензон, вы. Итого – восемь. Ну, ещё двух мы найдём. Давайте в пятницу, после работы, прочитаем кадиш и заодно встретим субботу. А то на встречу субботы сегодня никого не соберёшь. Вы в пятницу можете?

– Да я в любой день могу. Я пока ничем не занят.

– Ну вот и хорошо, подходите в пятницу к шести, тут недалеко, пятнадцать минут идти, мы до захода солнца всё успеем.

Арон вздохнул, он, конечно, и не рассчитывал, что кто-то сразу бросится в минуту всё организовывать. И на том спасибо, что не отказали. Спасибо Вольчеку. Нужно, кстати, будет зайти к нему в клуб и спросить, может быть в клубе можно переночевать.

– Да, спасибо вам. Я сейчас пойду. Извините, я могу где-то переодеться, а то гражданскую одежду купил на рынке, а переодеться негде.

– Ося, отведи молодого человека, – как вас величать? – отведи Арона во флигель и помоги ему поддержать одежду, там пыльно.

Парни прошли ко флигелю. Ося потянул дверь, и освещаемая закатным солнцем навстречу им поднялась туча пыли. Переодевшийся Арон выглядел совсем по-другому. Стройный, загорелый, он, несомненно, был бы привлекателен для барышень. Даже Барух оценил превращение.

– Ну вот, это другое дело. Вам так больше идёт.

– Скажите, я могу пока оставить у вас скатку и вещмешок, а то я сейчас в нормальной одежде и с этим барахлом в руках... А в пятницу мы же всё равно встретимся, я заберу.

– Конечно, конечно, оставляйте. Ничего не пропадёт.

– Да у меня там и нет ничего, вот только сушки заберу. Газеты кусок у вас можно попросить?

Тропольский нахмурился.

– Газету мы, конечно, найдём. А куда это вы собрались с сушками на ночь глядя? Где вы остановились?

– Да пока нигде. Да вы не волнуйтесь, я и на лавочке могу. Документы у меня в порядке. А после окопов мне и лавка как диван. Как-нибудь перекантуюсь до пятницы, может, найду чего. Пока не знаю.

– Так-так-так. Так-так-так. Нехорошо. Вы, понимаете ли, за советскую власть воевали, а вашу квартиру забрали, и вам жить негде. Нехорошо. Давайте так, Арон, селитесь пока во флигеле. Ося поможет почистить. А дальше посмотрим, может быть, устроитесь на работу, и вам дадут общежитие.

– Спасибо вам большое.

Арону опять пришлось переодеваться в солдатское, чтобы не запачкать новую одежду. За час привели флигель в относительный порядок. Из дома принесли матрас, простыни и подушку с наволочкой. Чуть позже Ося принёс кружку прохладного, с ледника молока.

– Это тебе к твоим сушкам.

– Спасибо.

– Расскажешь, как служил, где воевал? А то меня по болезни не взяли, а я хотел, честно.

– Расскажу.

Парни присели во дворе, Арон грыз сушки, запивая молоком, и рассказывал самое интересное из службы. Его рассказ то и дело прерывался возгласами Оси:

– Да ну! Не может быть! А ты что! Ух ты! Вот это да! Так их, гадов!

Утром Арон встал по армейской привычке рано. Вышел во двор, побрился у рукомоиника, оделся и вышел за калитку. Он считал неприличным быть во дворе во время отсутствия хозяев. И теперь ему нужно было дожидаться вечера, чтобы вернуться во флигель. Арон опять пошёл на базар, его манили звуки и запахи, он отвык от гражданской жизни и занятых повседневной суетой людей. Ему хотелось наверстать упущенное как можно быстрее. Он гулял между рядами, пробовал всё, что совали продавцы, иногда интереса ради торговался. Ряды закончились, дальше были мясной и молочный павильоны. Арону ничего не было нужно, он решил пройти их просто так, от нечего делать. В молочном павильоне он с удовольствием напробовавшись сливок и густой сметаны, а также домашней выпечки, а в мясной павильон он сам не понимал зачем зашёл. Несколько хмурых продавцов в передниках пытливо провожали его взглядом, пытаясь определить, что этому покупателю можно предложить. Арон прошёл вдоль всего помещения, намереваясь выйти с другой стороны, как вдруг увидел объявление на белой кафельной стене. «Требуется рубщик мяса». Арон остановился, прикидывая, что лучше – выйти через второй выход или вернуться и ещё раз пройти через павильон.

– Интересуетесь, молодой человек?

– Я? Чем?

– Ну, вы же объявление читаете.

– А, объявление, не, я просто остановился. А вам правда нужен человек?

– Нужен. Вы в обморок от вида крови не падаете?

– Нет, я только с войны вернулся. Там столько всего рассмотрел, что уж мясом меня не напугаете.

– Идёмте в мой кабинет, там и поговорим.

Мужчина, пригласивший Арона в кабинет, оказался заведующим мясного павильона. Он объяснил Арону, что обычно на такое место просто так попасть невозможно, но рубщик сломал ногу, играя в футбол, а у него горит план, и поэтому он готов дать молодому человеку шанс. Конечно, он должен будет рассчитаться за это, но, если он закрепится на работе, это для него вообще не будет проблемой, а потом и благодарить будет, как отца родного. Арон подумал для важности пару минут и согласился. Он совершенно не представлял, чем может заниматься, и понимал, что деньги, привезённые с собой, вскоре растают и придётся что-то искать. Здесь же, похоже, удача сама шла к нему в руки. Договорившись прийти оформляться завтра с утра со всеми требуемыми документами, Арон и заведующий мясным павильоном пожали друг другу руки и на этом расстались. Вечером он поделился с Троепольскими планами на жизнь и получил полное одобрение. Арон также выразил желание снимать у них флигель, хотя бы на первое время. Он ещё не знал размер будущей зарплаты, но, по словам Троепольского, у него всё будет в шоколаде.

На следующий день Арон пришёл без опозданий на рынок. Заведующий павильоном, Сергей Афанасьевич, пожал ему на ходу руку, крикнул кладовщице, чтобы выдала спецовку, и отправил прямо к деревянному чурбаку, в который был воткнут массивный топор.

– А оформляться?

– Потом, дорогой, всё потом. Видишь, люди ждут. Давай приступай. Только не отруби себе ничего.

Грузчик принёс тушу и опустил её на чурбак. Арон в недоумении застыл. Толпа покупателей начала волноваться, требуя, чтобы уже начали рубить. Грузчик глянул на Арона.

– Ты в первый раз? Ясно. Та-ак, товарищи, не галдим, сейчас начнём. Стойте спокойно в очереди! А ты, парень, давай-ка, начинай рубить вот здесь. Так, хорошо, вот это кусок можно ножом обрезать. Есть, кидай сюда, кости отдельно.

Арон шаг за шагом начал постигать новую для него профессию рубщика мяса. Со временем он освоился и начал получать настоящие дивиденды, положенные человеку такого высокого уровня. Однажды старший Троепольский познакомил его с единственным оставшимся в городе кашерным резником, который посвятил Арона в своё ремесло, сетуя, что после его ухода на покой в городе невозможно будет поесть кашерной курочки. Таким образом у Арона появилась дополнительная работа. Поминальную молитву по родителям и сестре прочитали, как и планировали, и Арон начал понемногу обживаться заново в родном городе.

Часть третья. Свадьба Галочки и Фимы

Наконец настал день, которого с нетерпением ждала вся семья. Вторая суббота июня 1937 года, свадьба рыжего Фимы и Галочки. Лёвчику и Яше впервые доводилось погулять на настоящей свадьбе, и приготовления к этому дню начались ещё задолго до окончания учебного года. Отец сшил каждому по паре новых брюк, а с матерью они обошли все галантерейные магазины в центре города в поисках новых рубашек и ботинок. Решено было белые рубашки не покупать, т. к., зная об аккуратности их будущих владельцев, можно было с лёгкостью предположить, что уже через полчаса застолья они из белых превратятся в пятнистые. Поэтому остановились на светло-серых. Ботинки тоже были выбраны с расчётом на последующее использование. Себе женщины справили обновки и обновили запас бижутерии. Самуил Шаевич достал из шкафа новые брюки и почти не ношенные туфли, которые берёт как раз для такого случая. Лишь один Давид оставался абсолютно спокойным. Он выудил из шкафа брюки, отпарил их хитрым портновским способом, и выглядели они новей самых новых. А об их стрелки просто можно было обрезать пальцы. Для туфель мужчины не пожалели гуталина, и стойкий запах ещё долго оставался в квартире.

Двадцать минут хода до ЗАГСа и встреча с остальной семьёй. Поодаль в ожидании молодых расположились родственники Галочки. Обе семьи с любопытством рассматривали друг друга. Галочка Незабудько была из простой украинской семьи. Отец Галочки Андрей Незабудько воевал в Гражданскую, после чего вернулся в родное село. Во время короткого отпуска женился на Валентине Королёк, с которой был обручён уже к моменту окончания службы. Дома его ждали любящая жена и трёхлетнее чудо с голубыми глазами. Ещё через пару лет семья переехала в Тормашов, где к этому времени обосновалась часть семьи Незабудько, а брат Валентины служил в органах. Обыкновенная украинская семья. Только дочка была необыкновенной. Высокая, стройная красавица с копной тёмно-русых волос. Смешливая голубоглазая девочка, прекрасно читавшая наизусть Тараса Шевченко и Маяковского. За год до свадьбы возвращалась Галочка из читального зала библиотеки поздним вечером через городской парк. О вечернем парке давно шла недобрая молва, дескать, орудует там шпана. К девчонкам пристают, у людей деньги отбирают, надавать тумачков могут. Понадеялась Галочка на удачу, полевнившись обходить парк стороной, ну и угодила в цепкие лапы трёх недоумков с липкими улыбочками от уха до уха и притворно радостными возгласами «кто к нам пожаловал» и «смотри, какая краля».

Знакомиться и дружить с хулиганами Галочка наотрез отказалась, отдавать свою сумочку тоже. Больше того, когда один из хулиганов попробовал сумочку у неё отобрать, огрела его этой сумочкой по голове, но силы были неравны. Шпана своё дело знала, и одним ударом сумочки с учебниками остановить шайку не было никакой возможности. Тогда Галочка стала кричать на шпану своим высоким голосом и звать на помощь. И в тот самый момент, когда казалось, что помощь не придёт, а ей самой будет очень и очень нехорошо, потому как один из хулиганов крепко держал Галочкины руки за спиной, а второй уже расстёгивал пуговочки на её блузке с намерением полапать девичью грудь, появился Фима. Конечно, никакой он был не прекрасный принц из сказки. Рыжий, конопатый, прыщавый еврейский паренёк, год как отслуживший армию. Но в тот момент Фима был намного нужнее принца. Неизвестно, как там принцы, а Фима ещё до армии начал заниматься боксом и как раз возвращался с тренировки. Быстро сообразив в чём дело и не устраивая лишних расспросов, Фима отправил в лежачую командировку двоих, а третий, убегая, пообещал привести подмогу и обещание своё сдержал. Через три минуты ещё четверо подтянулись вместе с убежавшим и взяли Фиму с Галочкой в полукольцо. Положение стало не очень хорошим, но тут подоспели пара прохожих и Фимин товарищ со спортивной секции. Хулиганы ретировались. А Фима проводил Галочку до дома

и предложил сходить в кино в воскресенье. Галочка согласилась. Поначалу она и думать не думала о таком рыжем еврейском ухажёре. Родители хоть и были революционных взглядов, к евреям относились, мягко говоря, не очень. Но Галочка рассудила по-своему. Ей импонировало, что такой сильный и смелый Фима провожает её по вечерам и теперь никто не сможет её обидеть. С ним она чувствовала себя защищённой. К тому же такой ловкий и смелый Фима в её присутствии становился робким и чутким кавалером. А Галочке очень нравилось им командовать. В общем, молодые люди быстро нашли общий язык. А ещё через некоторое время решили, что жизни друг без друга они не представляют. Родители с обеих сторон пытались повлиять на решение молодых с тем, чтобы каждый нашёл себе пару из своих. Но Фима с Галочкой, одуревшие от влюблённости, и слушать не желали. Родителям ничего не оставалось делать, как принять их выбор.

Решено было первый день свадьбы отгулять в городе, во дворе Фиминой мамы Генриетты, приходившейся сестрой Самуилу Шаевичу, а второй день – в деревне у родных Галочки, во дворе её деда и бабушки.

Вскоре появилась бричка с молодыми. Сияющая Галочка в белом полотняном платье с украинской вышивкой на груди, с веночком из жёлтых одуванчиков была просто великолепна. И спортивный Фима в серых брюках свободного покроя и белой рубашке с коротким рукавом и откидным воротом. Легко спрыгнув с брички под аплодисменты друзей и родственников, молодые проследовали в ЗАГС, где их быстро расписали, и уже будучи мужем и женой, держась за ручки, вышли со счастливыми улыбками. Вся процессия отправилась в дом тети Генриетты. Во дворе уже стояли накрытые столы, около которых сустились женщины. На столы постоянно что-то доставляли, непрерывно отгоняя рои мух. Наконец все расселись. Дядя Биньямин, а попросту Веня, взял слово.

– Дорогие дети, вот и настал самый важный день в вашей жизни. День, когда вы объединились в одну семью. Живите на радость себе, на радость родителям! Рожайте детишек. И пусть из них вырастут настоящие бойцы Красной армии! И давайте выпьем за молодожёнов! Ура! Горько! Теперь за товарища Сталина! Ура! Горько! Теперь за нашу родную коммунистическую партию! Ура! Горько!

В общем, дядя Веня, подвыпив, превращался в неуёмного оратора. К счастью, после пятого тоста способность говорить у него резко снизилась, и дядя Веня наконец присел, вонзив зубы в солёный огурец и пытаясь нанизать на вилку студень. Тосты произносились со всех сторон, и молодым уже пожелали всего и столько, что для самой счастливой жизни было бы достаточно и десятой доли. Наконец музыканты взяли дело в свои руки, и люди, встав из-за стола, потихоньку начали танцевать. Всё было замечательно, свадьба была дружная. Пили водку, а потом перешли на самогон, предусмотрительно прихваченный Галочкиной роднёй. Но тут музыканты заиграли фрейлехс, и Фиминая родня вышла в круг, а с ними и Фиминая бабушка Фейга, грузно переваливаясь с ноги на ногу, всё же не утерпела и вспомнила свою молодость. И тут как гром средь ясного неба прозвучало:

– Жиды в пляс пошли!

На сказавшего сразу зашикали и убрали его со двора, иначе конфликт грозил подняться на новый уровень, но настроение было подпорчено. Свадьба как-то сникла. И только молодые ничего не замечали, не сводя друг с друга влюблённых глаз. Наконец съели горячее, подали чай, и гости стали петь песни. Украинская родня всё больше весёлые и зажигательные, а еврейская грустно-весёлые, с переживаниями, как и вся еврейская жизнь.

Во время маленького перерыва, когда музыкантов попросили к столу и пододвинули к ним бутылку водки, а как известно, непьющих музыкантов не бывает, произошёл казус, который долго со смехом вспоминали гости. Музыкантов было трое. Степенный Анатолий Иванович, играющий на барабанах, и два Аркадия, Морсон и Шпиц. Морсон играл на трубе, а Шпиц на баяне. Слово за слово, приняли на грудь за здоровье молодых, за товарища Сталина, за

Красную армию. И тут Аркаша, который Морсон, изрядно захмелев, говорит Анатолию Иванычу:

– Слышь, Толя, если съешь весь салат оливье, что остался в бадейке, то подарю тебе свои часы, которые ты меня давно продать уговариваешь. А если не осилишь, то заберу твои ручные. Идёт?

Часы и впрямь были интересные, дореволюционные, серебряные, карманные, на массивной цепочке с хорошей застёжкой. От солидного дореволюционного производителя Габю. Такие уже больше и не найдёшь нигде. В общем, для барабанщика Анатолия Ивановича – ценная вещь, поскольку часы, что на руке носят, перед началом работы Анатолий Иванович всегда снимал с руки, чтобы не попортить, а карманные и снимать не надо, лежат себе в жилетке или брюках и тикают спокойно. Уж что только Анатолий Иванович Аркаше за них не предлагал. Но лысоватый, очкастый, прихрамывающий Аркаша был ещё тем поцем. Характер имел отвратительный, даром что музыкант хороший. Постоянно при встрече подзуживал Анатолия Ивановича. Собственно, и был Анатолий Иванович старше Аркаши всего-то на пяток лет, но так уж повелось, что солидно выглядевшего Анатолия Ивановича все называли по имени отчеству. Но это только до того момента, пока Анатолий Иванович хорошенько не принимал на грудь. А в этом деле он был настоящим артистом, чем больше пил, тем задорней барабанил. Поэтому люди, которые приглашали его с командой играть на торжествах, на выпивке для музыкантов не экономили. Так было и на этот раз. Музыканты хорошенько приложились к бутылке и досыта наелись.

Услышав, о чём говорят музыканты, сидящие рядом гости замолкли в ожидании продолжения. Анатолий Иванович был, что называется, по горло сыт. Но услышав о часах, встрепенулся и бросил взгляд на бадейку. Салата в ней было килограмма три. Анатолий Иванович прищурился, глядя на содержимое и прикидывая свои возможности. Мысль, что придется пихать в себя жирный салат с майонезом после еды, да ещё и в таком количестве, его совсем не радовала. Но мелькнувшая перед ним редкая возможность стать обладателем часов затмила разум.

– Ладно! Съем! Только ты потом в кусты не ныряй, дал слово – держи.

– Да вот те крест святой, – издевательски произнёс Аркаша.

И Анатолий Иванович на глазах гостей и двух Аркадиев стал медленно поглощать салат. Он тщательно пережёвывал его, словно стараясь отодвинуть момент, когда нужно будет отправить внутрь переполненного желудка очередную порцию. Бадейка оказалась глубже, чем показалось вначале Анатолию Ивановичу, а стало быть, и количество салата, представшее перед ним, тоже увеличилось. Но отступать было поздно. На него смотрели гости, нельзя было перед ними опозорить. К тому же следовало поставить на место давно донимавшего его Аркашу Морсона. И Анатолий Иванович всю старался. Салат давно просился назад, и несколько раз он чуть не вернул его в бадейку, но каким-то чудом сдержался. Анатолий Иванович жутко вспотел, с его лысины капли пота стекали прямо в ложку с салатом. Но он ничего не замечал и упорно шёл к цели. И наконец под дружные аплодисменты гостей он отправил в рот последнюю ложку, после чего откинул её, взял салфетку, вытер лысину и повернулся к Аркаше:

– Часы давай, поц!

– А я пошутил! – прямо ему в лицо рассмеялся Аркадий.

– Как пошутил? Ты ж крестом святым поклялся!

– Каким крестом? Я ж не православный. Это всё равно, что ты на Коране поклянёшься, ха-ха-ха-ха-ха...

Анатолий Иванович побагровел. Он давно знал Аркашу, знал, что он тот ещё поц, но такого вероломства он не ожидал даже от него. Ведь он, считай, сидел уже на салате в то время, когда через верх заталкивал в себя очередную ложку. Аркаша продолжал булькать смехом. Решение пришло в долю секунды. Анатолий Иванович вытащил из кармана маленький бумажный пакетик, надорвал его, достал презерватив и разом надел его Аркаше на голову. Аркаша

сначала даже не понял, что произошло. Наткнувшись на дужку очков, презерватив лопнул с одной стороны. Теперь взору публики предстало Аркашино лицо, на три четверти закрытое презервативом. Через лопину видно было один глаз, взирающий на окружающих через толстую линзу. Назревала большая драка. Но вмешался Самуил Шеевич.

– Аркаша, ты сам виноват. Только попробуй испортить нам свадьбу, я тебя в порошок сотру, ты меня хорошо знаешь. Оботрись и иди играть. И так перерыв затянули.

– Ты у меня ещё попляшешь, оливеьд! Я те покажу кузькину мать!

Но Анатолий Иванович его не слушал, переполненный салатом организм отчаянно забастовал. Он вскочил и побежал в уборную, откуда моментально стали доноситься звуки, похожие на извержение вулкана. Через пять минут, когда музыканты привели себя в порядок, свадьба продолжилась. Обошлось без инцидентов. Ещё с час почаёвничали, попели песни и стали прощаться. Женщины задержались у тёти Генриетты, помочь убрать со столов, а мужчины отправились домой. Следовало подготовиться к завтрашнему дню, отгладить брюки и рубашки, почистить ботинки и вовремя лечь спать.

По дороге домой Лёвчик с Яшей шли позади отца и деда и слышали обрывки их разговора.

– Красивая девочка. Да только не ровня она нашему Фимке.

– Да, хохлы им житья не дадут.

– Да и наши не лучше.

– Брать надо своих!

– Да ладно, чего уж там, пусть живут.

Через час подтянулись и женщины с чувством выполненного долга. Поставили на стол половинку пирога, врученную на прощание тётей Генриеттой. И сразу стали заваривать чай. Так за разговорами и пересудами пролетел вечер.

Часть четвёртая. Свадьба. День 2

К девяти утра к дому подъехал автобус ЗиС-8, арендованный для поездки в село на второй день свадьбы. В автобусе уже расположились члены обеих семей. В салоне явно чувствовался перегар, смешанный с запахом лука, женских духов и пота. Подъехали к дому тети Генриетты. Там уже стоял грузовик с брезентовым верхом. Распределились по машинам. Молодёжь и взрослые мужчины поднялись в кузов грузовика, а старшие, женщины и дети заняли место в автобусе. Лёвчик с Яшей, разумеется, хотели ехать с мужчинами на грузовике, но свободных мест в кузове уже не оказалось и им нехотя пришлось вернуться в автобус. Яша сел у окна, Лёвчик рядом с ним, мама с бабушкой за ними. Молодожёны ехали с молодёжью на грузовике. Там же, в кузове с ними ехал гармонист. Отъезжал грузовик весело, под музыку и песни, и Лёвчик с Яшей ещё раз посетовали, что им выпало ехать в скучном автобусе. Тётя Генриетта и дядя Веня ехали впереди, через проход от них сидели родители невесты, и обе пары о чём-то переговаривались. Прямо перед мальчишками расположился дядько Степан, как он сам громогласно объявил на весь автобус при посадке. Дядько Степан восседал рядом с женой Клавдией. Говорил он громогласно, и уже через несколько минут от него страдал весь автобус. Минут через двадцать дядько Степан водрузил себе на колени кошёлку, из которой извлёк пучок зелёного лука, редиску, варёные яйца, кусок хлеба и шмат сала. На свет появились бутыл с мутной жидкостью и гранёный стакан. Дядько Степан начал разливать, а автобус в это время трянуло на выбоине. Бутыл мотнулась вниз и вверх вслед за движением автобуса. Струя повторила движение бутылки, щедро обдав дядько Степана от мошонки до разреза на косоворотке.

– Твою ж мать! Растудить твою в тудить, – длинно высказался дядько Степан о водителе, автобусе и дорогах.

Потом всё же долил стакан до середины.

– Ну, с Богом! За молодых! Шоб им сладко жилось и хорошо стругалось! – дядько Степан булькающими глотками отправил в себя жидкость из стакана. На три секунды замер. – Ох, мать моя женщина! Ну и пробрало! Давай, мать, закуску!

Заботливая Клавдия сунула мужу в рот кусок хлеба с салом. Громко чавкая, Степан начал поглощать закуску. Он налил себе ещё пару раз, предложил окружающим, пару человек уважили его – выпили. Остальные отказались.

По автобусу разлился резкий запах алкоголя. Мальчишки хотели открыть окно, чтобы проветрить, но им не удалось: оно оказалось неисправным. Дядько Степан закончил завтрак, Клавдия собрала остатки еды, стряхнула крошки и подставила Степану плечо. Через минуту Степан уже сладко спал на Клавдиинном плече. Время от времени автобус трянуло на выбоинах, в такие моменты Степан, плюхаясь на плечо жены, всхрапывал, иногда открывал глаза, но увидев, что ещё не приехали, вновь опускался к жене. В какой-то момент Степан проснулся и решил попеть. Предварительно плеснул себе ещё сотку для голоса, как он объяснил окружающим.

Неизвестно, какую песню пытался воспроизвести на свет божий Степан, но всю дорогу он пел только две строчки:

– Эх, махнула сашка! Полетела голова! – или наоборот, – Полетела голова! Эх махнула сашка!

– Не сашка, а шашка! – попытался подсказать Лёвчик.

– Ты меня ещё учить будешь, жидёнок! – вдруг выскрился дядько Степан. Но, враз получив оплеуху от Клавдии, быстро поправился, – Ты, пацан, дядьку-то не учи! Дядька сам кого хошь научит! И не сердись. Ну и что, что ты... ой, да шо ты меня лупишь, окаянная? Да не трогаю я твою новую родню! Можешь с ними перецеловаться! Да идите вы все!

Дядько Степан налил ещё сто и опрокинул со словами:

– За ентот, пролетарский нцантрелизм! Тьфу, мать вашу! Ертценализм!

– Интернационализм, – поправил его Лёвчик.

– Во-во! За ентот самый! – дядько Степан посмотрел на Лёвчика вполоборота, погрозил ему пальцем, бережно поставил бутыль в кошёлку и упал на Клавдиино плечо.

– Вы уж извиняйте, – произнесла Клавдия, обращаясь к Лёвчику и маме с бабушкой. – Он хороший, получку всю приносит, детей любит. Но вот прикладывается. А как выпьет, так и несёт его. Рот как помойка. Вот увидите, проснётся – и ничего не вспомнит. Вы его не бойтесь, он рук не распускает.

Дядько Степан проспал остаток пути, но настроение было подпорчено. Автобус съехал с центральной асфальтированной дороги на просёлочную. Здесь было ещё больше выбоин. Наконец, через полчаса автобус подъехал к селу. Покосившаяся вывеска на въезде информировала, что село называется Перевалкино. Оно находилось почти на незримой границе Российской и Украинской советских республик. И поскольку парни и девушки из соседних республик давным-давно переженились между собой, то и сёла по обе стороны были смешанными русско-украинскими. Перевал-кино было типичным отражением смеси советской действительности и национальных и семейных привычек. Проезжая по разбитым вдребезги улицам, можно было увидеть, вроде бы однообразные постройки. Но разница между ними бросалась в глаза. Вот он, покосившийся плетень, скучная, небелёная хата, неровные столбики во дворе, меж которыми натянуты провисшие верёвки, на которых, как знамя пролетарской революции, развевались бесформенные Дунькины юбки и застиранные Ванькины подштанники. Тут же по двору свободно бродили свиньи и, беззаботно покудахкивая, перепрыгивали через них куры, бессовестно роящиеся в свинских отходах. Лужицы вонючей жижи и рои мух над всем этим хозяйством. Следующая хата была полной противоположностью. Ровные штакетины, аккуратно подпиленные по размеру снизу и сверху (причём кверху торчали одинаковые треугольнички, красиво покрашенные), огораживали такую же хату, как у соседа, но побелённую и оттого выглядевшую больше и праздничнее. Окна, и наличники, и крыльцо выкрашены в синий цвет, оконные стёкла, чисто вымытые заботливой хозяйской рукой, радостно отражали весёлое солнышко, спешащее заглянуть и обласкать белокурых ребятишек и неутомимую хозяйку в расшитом переднике, день и ночь снующую между работой, детьми, печкой, стиркой, готовкой, аккуратным загонем для поросят и куриным сарайчиком, откуда каждое утро выносился десяток крупных свежих яицек. И откуда только силы брались? А ещё постирать, накормить, отмыть, перецеловать и уложить спать. А потом и мужу угодить, чтобы через несколько месяцев появиться на глаза односельчанам с округлившимся животиком, гордо пройти сквозь строй шушукающихся старух. Завидно, поди, этим пятидесяти и шестидесятилетним старым каргам. А я вот она, от мужа любимого и родного забеременела. Так что крыть вам нечем. Только умереть от зависти. А нам Бог даёт детишек, вот мы их и берём. Да и то, рожать-то лучше по молодости, к тридцати-то уже по четверо-пятеро ребятишек. И хватит уже. Тут уж, если кто и залетел, то лучше к Федотовне в соседнее село сходить. Федотовна слыла хорошей повитухой. Навыки получила от матери, та от бабки. Уже которое поколение помогали женщинам разродиться, а кому надо – то и избавиться от плода. Правда, новая власть не одобряет аборты, но что ж поделать-то иначе? Да и у участкового жена тоже женщина, никуда не денется, обратится. Так что в некоторых областях отношения сохранялись на уровне статус-кво. Взять тот же самогон. С одной стороны, не положено. И срок за это определён. С другой стороны, участковый и председатель и сами не дураки приложиться. Втихаря, разумеется, не дай-то Бог кто донесёт. Но уж если из центра проверка какая, то не обессудьте, кто попал – тот пропал.

И снова покосившаяся, подслеповатая от немых окошек хата, а за ней следующая, чистенькая, аккуратная и оттого как бы бросающая вызов соседу. Вот уж действительно, у соседа и трава зеленее. Протрясаясь по центральной улице почти до конца, автобус и грузовик свернули на боковую и доехали прямо до зеленеющего пшеничного поля. Ещё не набравшие

полную силу ростки весело кланялись ветру и приедем. Будет, будет добрым урожаем в этом году! Глядишь, может и позабудутся голодные годы начала тридцатых, когда и сеять-то было нечего. Когда голод и гибель бродили по сёлам. А теперь всё централизовано. Семена из центра. И урожай тоже, будьте любезны, в центр свезти. И собрать его тоже, ровно к обозначенным партией срокам собрать надобно. И кому есть дело до того, что ещё б недельку и без потерь и спокойно можно было б свезти в райцентр на стареньких грузовиках и тракторах урожай. Но нет же, грозное начальство звонит день и ночь, требует сводки и отчёты, кроет матом и грозит всеми немыслимыми небесными и земными карами. Да и то, над ним ведь и своё начальство имеется, которое так же грозит и страшит. А над ним своё. И над всем этим партия и лично любимый вождь и учитель товарищ Сталин. А уж если товарищ Сталин сказал, что к надцатому числу весь, да-да, весь урожай должен быть собран, то только недобитая контра или засланный из Японии или Англии шпион и вредитель мог сорвать сбор и вывоз урожая. Ну, такого мы сразу выявим и расстреляем, семью сошлём, чего цацкаться? Всё одно – беспаспортным советским рабам деваться некуда. В город никто непустит, а не хочешь здесь вкалывать, то будешь горбатиться на дальнем Севере. Ещё вспомнишь свою привольную житуху в колхозе.

Пассажиры не спеша покидали места, разминая затёкшие спины и ноги. И только молодёжь, словно и не было длинного и трясуемого переезда, попрыгав с кузова, разом пошла в пляс, окружив жениха с невестой. Тут и частушки подоспели.

– Над рекой стоял туман,
Девки в бане мылись.
Мужики их не дождались,
Сразу утопились. И-и-и-эх!

По грибы ходили с милым,
Встретили медве-е-е-дя,
Быстро бегают милёнок,
Ну куда ж ты, Федя?

Я давно уж перезрела
И любви мне подавай,
Я все песни перепела.
Милый, сватов засылай!

Уже от дома вышла встречать молодых заждавшаяся семья. С караваем на расшитом рушнике и с солонкой посреди хлеба. Вот уже и молодые отломили по кусочку, макнули в соль и отправили в рот. Тут и гости оголодавшие подоспели, разодрали каравай на части, со смехом передавая друг другу куски. Вот уже все вышли из автобуса, только дядько Степан идти не в состоянии, а Клавье одной его не поднять. Так Фимины друзья его впятером и вынесли, да и отнесли спать к сараю. Потихоньку начали выносить угощение на стол. А еврейская родня приехала со своими котомками. Извинились перед родными невесты, объяснили, что вот, мол, так и так, не позволяет им вера свинину кушать, да и мясное с молочным мешать. Так что просят извинить и не сердиться, но вот тут привезли кое-чего для заветов отцов соблюдающих, где можно на печь поставить?

Так это что ж, хохлы своё есть будут, а жида своё? Что ж это за свадьба? И как потом нашей Галочке в вашем городе есть? Так она ж там окочурится на ваших жидовних харчах! Взяло время объяснить, что не все соблюдают, остальные, в том числе и молодые, едят всё. Но

вот родители жениха и ещё пяток родных придерживаются старорежимных взглядов, но ни в коем случае не желают обидеть новую родню и искренне извиняются.

Под бурчливое недовольство Галочкиной родни недоразумение уладили, и хозяйки с двух сторон приступили к готовке. Семья Лёвчика уже давно не соблюдала кашрут, т. е. древние еврейские правила питания. Самуил Шавевич справедливо полагал, что если бы Господь хотел, чтобы евреи ели только завещанную им еду, то всю другую убрал бы из обихода. Давид же помнил, как в его семье до революции соблюдали традиции. Но семью он покинул рано и помотался по фронтам гражданской. А там не то что кашерное, просто сожрать бы что-нибудь. Там о кашерной маминой еде он мог только втихомолку вспоминать. Да и праздники еврейские его уже не интересовали. Новая власть дала народу достаточно своих праздников. Если ещё и еврейские праздновать, в которые по старым законам и работать-то нельзя, то кто ж тогда семью будет кормить? И кто такого работника будет держать? Нет уж, делу время – потехе час. Так и накрыли стол, рядом с молодыми сели все, кто нормально ест, а в конце стола еврейчики со своими штучками. Да и смеху не оберёшься, смотреть на их край. Тут на центральной части и сальцо, и грудиночка, колбаска домашняя, картошечка на сальце жаренная, голубцы со свиной, макают в густую домашнюю сметану – объедение! А там? Срамота одна! Рыбные тефтели – гефилте фиш, макароны привезли. Ха-ха-ха! Когда и где вы видели, чтоб на деревенской свадьбе макароны ели? Ладно хоть молочными продуктами не побрезговали. Сметану себе поставили, да и брынзу приняли. Одолжение сделали! Спасибо вам в шляпу! Соленья тоже приняли, хлеб и овощи. Редисочка наисочнейшая, прям с грядки. И укроп с петрушкой. А вот и огурчики первые. Рассаду дед Остап в тёплом сарае высаживал раньше всех. Вот и огурчики выросли раньше, чем у соседей. Как раз к свадьбе любимой внучки и поспели. Да только не могла, что ль, голуба наша нормального парубка найти? Чего с жидовней-то путаться? Они, конечно, тоже люди. И даже образованные. Вон среди них сколько врачей, учителей, мастерового народа, да и руководителей немало. Только не наш народ это, ох не наш. Ты их приюти, бездомных, на своей земле. Они тебе раз – и Христа распянут! Да ещё и орут при этом, что Христос из ихних, из евреев будет, и что это их внутреннее еврейское дело! Во как повернули! Во хитрожопые, уже и Христа в свои записали. Ну и что, что дело в Иерусалиме было? Что, там не могло найтись на эту роль какого-нибудь украинского хлопца? Ну на худой конец москаля, но евреем Христос никак быть не мог! Кто ж в это поверит?

– Горько! Горько! Ра-аз! Два-а! Три-и! Четы-ыре! Пя-ать!

– Ну, а теперь, гости дорогие, готовьте подарки и рюмки наливные! Так, кто это у нас? А-а, друзья жениха! И что вы нам приготовили? Вот рубашка, почти новая, со старыми пуговицами, – весело склабился местный гармонист. – А это платье для невесты. И всего три раза стиранное! С чьей верёвки сняли?

И свадьба покатывалась со смеху. Да ещё каждый даритель принимал по рюмке под строгим взглядом гармониста. А ядрёный деревенский самогон бил наповал алкогольным духом и прожигал насквозь до самых выходных отверстий. Да и вырывался иногда на свободу в виде ядрёного алкогольного выхлопа. А откуда вы думали пошло выражение «на пердячем паре»? Ну мужики все приложились, да и бабы тоже. Вот только с жидовочками смех один. Достали вино своё, городское. А самогонку наотрез пить отказались. Слабы кишкою! Да и Бог с ними, хоть вина выпили, а то б с дурью своей и голодными и трезвыми со стола б встали.

Тут и дядько Степан проснулся. Дошёл до стола, встреченный радостным «о-о-о!!!» Тут же стакан до краёв поднесли да огурчик солёный. Не раздумывая, принял дядько Степан дар и медленно, чтобы не расплескать и каплю драгоценного пойла, поднёс ко рту. Ядрён самогон, но и дядько Степан не лыком шит. Да какой он там дядько? Наш он кум и свояк, Стёпка! Да и отроду ему только-только четвёртый десяток пошёл. Вот только для Лёвчика с Яшкой и может быть дядькой! Замерла свадьба. Сомкнул меха гармонист. Только и слышно, как булькает самогон, погружаясь в Степана, да ходит ходуном кадык, как поршень автомобиля, про-

талкивая обжигающую жидкость. Ни капли не обронил Степан. Медленно оторвал стакан от губ, отёр рот рукавом, протянул руку за огурцом, взял его, обвёл взглядом свадьбу, задержался на Клавдии, хотел сказать что-то, да рухнул мешком. Да и то, намешал Степан напитки. Сначала свой самогон, а потом и первачок деревенский. Хоть и тренирован Стёпа, но и он не трактор. Супротив природы не попрёшь. И опять отнесли Степана к сарайчику, накрыли телогрейкой – пусть отсыпается. А свадьба пошла в пляс. И гопака отплясали и барыню. И пока свой деревенский гармонист отдыхал, городской всякие городские мелодии поиграл да для евреев их музыку. Вроде и ничего так музыка, да вот не понять её славянской душе. То грустная, то весёлая, и чего-то в ней не хватает. Чего им, евреям, тут не хватает? Пора б уже прижиться и бросить привычки свои еврейские. А то ведь, что удумали, опозорить на всё село. Со своей едой на свадьбу приехать! Не богачи какие-нибудь, но ради любимой внученьки и кабанчика Борьку закололи. Чудно как-то, всё у них не по-нашему.

И только молодёжь не обращала внимания на условности, разделявшие родню новоиспеченной пары. Парни и девушки кружили в парных танцах и отбивали ритмы чечёток и гопаков, пытаясь крутиться, как местный лучший танцор Грицько. Да куда им! Разве кто может крутить, как Грицько! В красных атласных шароварах, белой расшитой украинской вышивкой крестиками и петухами рубашке Грицько был неотразим.

Протяжное мычание огласило улицу. То гнали с выпаса сельское стадо. Пройдя по улице с мычанием, коровы оставляли после себя лепёшки и запах. Ну, на то она и деревня, чтобы запахи и звуки были не как в городе. Вот и народ любопытный стал подтягиваться. Кто, ежели знакомый, то запросто по-соседски заходил, получал три булочки в гранёный стакан, кусок хлеба с салом и солёным огурцом и довольный отходил в сторону. Всё было мирно и хорошо, пока, прослышав про свадьбу, не добралась делегация в полтора десятка парней и девчонок из соседнего села. Пришли в поисках развлечений. Это у них там в городе кафе да рестораны, оркестры играют при парках, ходят все по асфальту. Можно и ботинки начистить, да и туфли на каблучке пригодятся. В кино хоть каждый день ходи. А что здесь? Одно развлечение – полугзгать семечки вечером. Да хорошо, если гармонист не в запое. А если ушёл в запой, то неделю без музыки. Озвереть! А тут свадьба! И идти-то всего семь вёрст. Дошли. И впрямь свадьба. И девка вроде своя, видели её тут. Точно! Своя! Стало быть, и мы не чужие на свадьбе. Но что это? Чего ты, дядя, нам вход в калиточку преградил? Мы ж только поздравить молодых. Вот сейчас поздравим и уйдём. Красивая у вас невеста, надо бы за неё соточку опрокинуть. Да не жмитесь, свадьба ведь. Чать не убудет. Вот-вот, до самых краёв наливай. Ну, будем, дядя! А чего это у вас жених такой рыжий, ну что наш петух! Ха-ха-ха! А может, вашей невесте другого женишка подыскать? А то что это за жених такой, и еврей и рыжий? А, он у вас рыжий еврейский петух! Ха-ха-ха! Вот у нас Митька хорошим женихом будет, рябой, правда, да ведь и рябой всё одно лучше, чем еврей! Ха-ха-ха! Ша, дядя, ты кого толкаешь? Мы сами решим, когда уходить. Да не ерепенься, а то мы сами вместо вашего женишка невесту покроем! По очереди! Ха-ха-ха! Ну что, невеста, пойдёшь с нами добровольно?

И тут Фиму прорвало. Одёрнув рубаху, он ринулся в бой, защищая честь молодой жены. Тётя Генриетта пыталась остановить племянника, да куда там! А самый здоровый из непрошенных гостей всё подзуживал, дайте ему, мол, пройти, отведать андрейкиного кулака. Кулаки у Андрейки и впрямь были как пудовые гири. Да только было ему невдомёк, что к кулакам таким Фима привычен, и потому он даже не отреагировал, когда Фима приблизился к нему на расстояние вытянутой руки.

– Ну что, жидок, делать будешь? Вот он я, давай, покажи, на что ты способен! А то ты, видно, только и умеешь, что мацой хрустеть. Ха-ха-ха!

– Я не хочу портить себе свадьбу, а вам рожи, так что мотайте подобра-поздорову!

– Что ты сказал, жидовское отродье? Кому ты рожи собрался портить? Да я те ща, – рука Андрейки просвистела над привычно поднырнувшей головой Фимы. Попади та рука кому в

голову, так и раскололась бы напополам та голова, такая ручища была у Андрейки. Да только в Фиму ещё попасть нужно было.

– Да ты клоун! Ща ты у меня станцуешь свой еврейский танец! – И Андрейка вновь попробовал врезать Фиме. Фима сделал шаг назад, и ручища пролетела в сантиметре от его груди.

– Я в последний раз говорю, я не хочу никого бить, уходите!

– Хлопцы, поглядите на этого клоуна, он не хочет нас бить! – заржал Андрейка, обернувшись к своим друзьям. И вдруг внезапно, с полуоборота атаковал Фиму, добавив к массе своей кувалды ещё и ускорение замаха. Но что-то пошло не так. Видно, перемахнулся Андрейка. Потому как никто и ничего не заметил. Просто Андрейка как-то смешно подпрыгнул в воздухе и приземлился на задницу. Попытался подняться, но земля чуть не ушла из-под ног. Не устоял. Поднялся и, отряхиваясь, спросил, обводя взглядом собравшихся:

– Это вот что было? Ты, щенок, на меня руку поднял? Да я тебе ща руки и ноги повырываю и в жопу вставлю. И тебе, и невесте твоей сраной! А ну, хлопцы, бей их!

Хлопцы только, казалось, и ждали команды. Да и велика ль беда, получить пару раз по роже? До свадьбы заживёт! Для того ль семь вёрст шагали, чтоб вот так просто домой вернуться. Ясно было с самого начала, что драка будет. Уж кто-кто, а Андрейка мастер по задиранию. Но тут что-то опять случилось с Андрейкой. Неужели один стакан самогона мог свалить с ног такого богатыря? Андрейка опять подскочил и рухнул оземь. Медленно поднимаясь, прямо с четверенек ринулся на Фиму, как бык на тореадора, намереваясь опрокинуть его наземь и поквитаться. И удался его план. Хоть и отпрыгнул Фима, но успел Андрейка ухватить его за штанину. Запрыгал Фима на одной ножке, но и Андрейка подтянулся и уже дёрнул за вторую, свалил Фиму и, усевшись сверху, начал месить его своими гирями. Да только начеку уже были друзья Фимины из его боксёрской секции. Недолго Андрейка восседал. Получил он пару хороших ударов, после чего уже прилёг на пару минут и больше руками махать уже не мог. Ну а свадьба раскатилась волнами. То прищельцы наступали, то наоборот, их оттесняли, как могли. Уже и забор стали ломать, и бить друг друга штaketинами. Хлопцы были хоть и не боксёрами, но в уличной кулачно-палочной потасовке толк знали. И вышибить их парой ударов было не так-то просто. Давид тоже помчался на помощь своим. Лёвчик с Яшей пытались рвануть, подсобить, но мать с бабушкой повисли на них, вцепившись мёртвой хваткой. Наконец всё было кончено. Прищельцы, хорошо награждённые тумакami и ударами штaketин, были выворонены за пределы села и ретировались, пообещав вернуться. И ушли, переговариваясь в дороге, что вот, дескать, если б не проклятые боксёры, то разметали б они и эту свадьбу, как уже испортили не одну, на которую их не пригласили. Парни ни о чём не жалели. Они хорошо провели время, выпив по стаканчику и закусив за счёт хозяев, а потом и развлеклись, как умели. А получать по физиономии было не в первой, парни-то здоровые, быстро приходили в порядок после очередной потасовки. Заняться же, кроме сельской нудной работы, было больше нечем. Так и проводили время.

Оставшиеся на свадьбе меж тем принялись приводить себя и двор в порядок. Один стол был опрокинут, еда с него была безвозвратно перепачкана и затоптана. Остатки этой еды участники потасовки отряхивали с брюк и рубашек. В заборе зияла дыра от выломанных штaketин. Пара человек ждали у рукомойника, чтобы умыть свои перепачканные лица и замыть окровавленные рубашки. Свадьба была явно подпорчена.

И тут проснулся в очередной раз дядько Степан. Встал, окинул мутным взглядом двор и запел:

– Эх, сверкнула сашка, полетела голова! – Свадьба замерев смотрела на Степана, а он продолжал раз за разом свою бессмертную песнь. И вдруг гостей прорвало, и все стали безудержно смеяться до колик в животе, прямо падая на четвереньки. И с этим смехом уходило нервное перевозбуждение, вызванное дракой. И теперь у женщин текли уже другие слёзы,

слёзы от смеха. И только Степан непонимающе смотрел на свадьбу и прикидывал, что он сделал не так. Потом махнул рукой и опять улёгся спать. Через минуту уже разносился его богатырский храп.

Давид снял рубашку, обнажив худые плечи, и Маня замывала её под рукомойником, отчитывая мужа:

– Ну куда ты-то попёрся, воин? Уж без тебя-то там как-нибудь бы управились. Горе моё!

Лёвчик с Яшей обсуждали увиденное и гордились своим отцом, не побоявшимся вступить в драку. А ещё завидовали Фиме и его друзьям, хорошо отделавших незваных гостей. Лёвчик решил, что и ему стоит заняться боксом. Яша заявил, что подумает.

Наконец всё более или менее убрали. Молодые заняли свои места. Левая сторона Фиминого лица была явно припухшей, но Фиме было не привыкать, и он попросил супругу не беспокоиться по таким пустякам. Кто-то сказал, что всё до свадьбы заживёт. И все со смехом стали спрашивать, чья свадьба следующая, до которой всё должно зажить. Хозяйка баба Тоня вынесла пироги, и все сели пить чай. В конце чаепития женщины начали убирать со стола. Стали определяться с ночлегом, поскольку выезд был запланирован на следующее утро после завтрака. Старшим определили места в хатах. По предварительной договорённости родственники и соседи по селу предоставили все возможные места. Молодёжь отправили ночевать на чердак. Здесь уже родители не могли удержать Лёвчика и Яшу, и они забрались вместе с остальными наверх по неровной лестнице. Для мальчишек это было сущим удовольствием – побыть в компании старших и послушать, о чём говорят. Баянист, которого привезли с собой, тоже поднялся на чердак. Ему помогли поднять инструмент. Ещё с час он поиграл, потом, умиротворённый, уполз в уголок и заснул. Разбудить его уже не представлялось возможным и, поболтав немного, молодёжь начала укладываться. Девушки ночевали на другом чердаке под надёжной охраной, чтобы не было никаких поползновений со стороны юношей. Мальчишки заняли свободный матрас, укрылись лоскутным одеялом, пригрелись и заснули. Рано утром Лёвчик проснулся от того, что кто-то тянул с него одеяло. Приоткрыв глаза, он увидел дядьку Степана, который неизвестно как оказался на чердаке. Лёвчик хорошо помнил, что его оставили спать около сарая. Он потихоньку тянул одеяло к себе.

– Дядько Степан, что вы делаете? Это наше одеяло, зачем вы его тащите?

– Да замёрз я.

– Да вы же на своём сидите!

Степан посмотрел под себя.

– А я-то думаю, куда ж моё одеяло подевалось. Звиняйте. Спите, хлопчики, – и Степан, вытащив из-под себя одеяло и укрывшись, пристроился на постой.

Ещё через час Лёвчик проснулся от того, что кто-то по нему бесцеремонно прыгает. Открыв глаза, он увидел, что в этот раз хозяйский петух проверял свою территорию, о чём громко возвещал кукареканьем, перебудил уже всех спящих, кроме Степана. В петуха начали бросать подушки, чтобы он уже убрался с чердака, но чёртова птица не унималась. С возмущённым кудахтаньем петух перелетал с одного на другого, но его гнали отовсюду – пришлось всё же покинуть чердак. Разбуженные ребята укладывались вновь, но не все смогли заснуть. Солнце понемногу поднималось, и чердак наполнялся светлыми лучами, пробивающимися сквозь щели стенок. С каждой минутой лучи становились всё ярче. Лёвчик выглянул вниз. Вчера они поднимались на чердак, когда уже стемнело, поэтому не могли видеть то, что он увидел сейчас. Внизу было зелёное поле пшеницы, а за ним петляла неширокая речка, впереди несколько деревьев и опять поля, окрашенные в красно-розовый свет восходящего солнца. Лёвчик замер, поражённый такой простой и естественной красотой деревенского утра. Понемногу к картинке стали добавляться и звуки. Петухи уже давно будили обитателей села, но сейчас к этому добавились ещё звуки коровьего стада: они мычали, призывая доярок освободить их от переполнявшего молока. Лёвчик услышал ещё один новый звук и, присмотревшись,

увидел гусиный выводок, с кряканьем следовавший за гусыней в сторону реки. На лугу, примыкавшем к полю, паслись стреноженные лошади. Они фыркали и смешно передвигались на спутанных ногах. Внизу хрюкали поросята. Вышла баба Тоня, задала поросятам корм и пошла ставить тесто на блины. К восьми часам уже всех подняли. У рукомойника и у туалета образовались очереди. Их уже ждали горячие блинчики со сметаной или с мёдом. Несколько жирных мух крутились над тарелками, и их всё время кто-нибудь отгонял свёрнутой газетой. Из закопчённого чайника наливали кипяток в гранёные стаканы. Заварочный чайник стоял тут же, и каждый мог долить по вкусу. Ещё один медный чайник стоял на плите. На столе лежали ещё пара нарезанных караваев, и колбасы, и сало, оставшиеся от вчерашнего угощения. Скоро на стол поставили большую миску с отварным картофелем в мундире, и желающие, обжигая пальцы, выхватывали картофелины, стучая по ним кулаком, дабы немного сплющить. Считалось, что сплюснутая таким образом картофелина становится вкуснее. Обжигая кончики пальцев снимали с картошки кожуру, макали в соль, отправляли в рот и иногда даже выплёвывали подальше от обожжённого языка. Картошку макали в сметану, дули на неё, некоторые ели даже с кожурой. В общем, этим утром блины и картошка ушли просто на ура. Закончив завтрак, стали грузиться. Вдруг внезапно небо затянули свинцовые тучи и начал капать дождь. Водители начали подгонять пассажиров.

– Быстрее, ребята, нам да центральной дороги пятнадцать километров. Развезёт дорогу, не выберемся отсюда.

Наконец, тронулись в путь. Дождь всё усиливался, и скоро с неба обрушился водопад. Уже через несколько минут все пассажиры грузовика были мокрыми. Тент хотя и прикрывал от прямых ударов дождя, но посадочная сторона была полностью открыта. Через неё под ударами ветра в кузов неслись косые струи. Сначала сидевшие у самого борта пытались спрятаться, забившись вглубь кузова, но и оттуда тоже хлестало через маленькое окошко в брезенте и через все дырки. Минут через двадцать ливень утих. Автобус и грузовик крепко увязли в размокшем чернозёме. Выпрыгнувшие из кузова парни пытались вытолкнуть машины, но дождь постарался на славу. Всё было бесполезно. Пришлось выгружаться и возвращаться в село. Ладно хоть успели отъехать всего на пару километров. Правда, и эти пару километров пришлось тащиться, каждый раз просто выдёргивая ноги из липкой густой массы. Идти в обуви было практически невозможно, к тому же на свадьбу обувались понарядней, жаль было окунать в грязь. Туфли поснимали и пошли босиком. Шли прямо через лужи – промокли так, что уже было всё равно. Дорога до села по грязи потребовала около двух часов. Быстрее продвигаться было невозможно. Наконец показалась окраина, и уставшие и перепачканные люди стали подходить к дому бабы Тони.

– Батюшки-светы! – запричитала баба Тоня, увидев первых входящих. – Давайте к крыльцу. Сейчас деда отправлю за водой. Эй, старый, а ну поднимай задницу! Быстро за водой и баню топи!

Дед Остап послушно взял два ведра и пошёл было к колодцу, но парни выхватили у него ведра и сами помчались за водой, а деда отправили топить баню. Часть дров тоже успела намокнуть, поэтому пошли к соседям просить сухие поленья. Взамен приносили мокрые. Парни под руководством деда кололи поленья на необходимой величины части. Скоро над крышей баньки взвился лёгкий дымок, а по двору разнёсся чудный запах горящих дров. От одного только этого запаха становилось теплее. Скоро начали согреваться и ведра с водой. Первыми в баню отправили женщин. Они быстро смывали с себя дорожную грязь, переодевались во вчерашнее, которое за неимением другого считалось временно чистым, и отправлялись уже обычной холодной водой застирывать испачканную в грязи одежду. Не обошлось без казуса. Дядько Степан, не упускавший ни единого случая пропустить дополнительный стаканчик, был уже в изрядном подпитии, когда ему что-то срочно понадобилось от супруги Клавдии. Нетвёрдым, но быстрым шагом отправился он в сторону бани, где мылись женщины. Кто-то пытался его

остановить, но Степан легко стряхнул с себя преградившего ему путь гостя. После чего рывком открыл дверь в баню и быстро прошёл через предбанник в непосредственно моечное отделение. Банька была маленькой, рассчитанной на несколько человек, и Степан, внезапно возникший из пара, вызвал настоящую панику среди женщин. Из бани разнёсся оглушительный женский визг. Одна только Клавдия, жена Степана, не имевшая от мужа никаких секретов, оставалась абсолютно спокойной. И чего ей было прятаться от собственного мужа? Степан начал её о чем-то спрашивать, но прервал разговор и обратился в бегство после того, как на него со всех сторон начали выплёскивать ушаты воды, причём некоторые были с холодной водой, а некоторые погорячее. Перед самым выходом из бани Степан получил чьей-то хорошо намыленной мочалкой прямо по физиономии. Вылетев во двор под смех наблюдавших, весь мокрый и с мыльной рожей, Степан помчался к рукомойнику и начал промывать глаза. В бане некоторое время ещё слышались громкие голоса Клавдии, которая как могла оправдывалась перед другими женщинами и защищала мужа. Наконец женщины закончили купание и в баню пригласили мужчин. Быстро ополоснулось старшее поколение, пошла молодёжь. Парни мылись шумно, плеская воду друг на друга, совершенно её не экономя. Лёвчик с Яшей были абсолютно счастливы. Собственно, остальные тоже не излучали никаких чувств, кроме беззаботности и счастья, которые так присущи молодым людям.

Тем временем баба Тоня с дедом Остапом вовсю старались подготовиться к обеду, ведь накормить следовало большую группу людей. Кто-то уже принёс двадцатилитровую огромную кастрюлю, которую поставили на печь и уж потом вылили в неё два ведра воды. Вода медленно разогревалась. Тем временем дед Остап поймал самую большую, килограмма на четыре с половиной, курицу, связал ей лапы, положил около чурбака для колки дров и стал точить топор и нож для разделки. Бедная несушка тихонько кудахтала свою куриную молитву, прощаясь с жизнью. Наконец нож был наточен и отложен в сторону. Дед Остап поднял за лапы курицу и стал укладывать её на чурбак. Но птица, собрав все свои силы, в последнем порыве неистово захлопала крыльями, стараясь улететь от неминуемого конца. На какой-то момент ей даже удалось взлететь, но, крепко удерживаемая дедом Остапом, она всё же подчинилась и, кудахтнув на прощание, вынуждена была уложить голову на плаху. Дед Остап примерился и, ловко вскинув топор, одним точным движением отделил куриную голову от туловища. Лёвчик и Яша впервые в жизни наблюдали за деревенской жизнью. Курицу было немного жаль, но хотелось есть, и голос проголодавшихся человеческих организмов заглушал угрызения совести за загубленную жизнь. Но что это? Уже лишённая головы курица совсем не собиралась сдаваться. Она в какой-то момент вырвалась из рук деда Остапа. Размахивая крыльями, помчалась на другой конец двора, волоча по земле связанные лапы. Наконец, ударившись о сарай, упала и, подергиваясь ещё несколько секунд, стала затихать. Наконец смолкла, смирившись со своей судьбой.

– От бисова чертовка! И откуда в ей столько сил? – дед Остап подошёл к курице, поднял её за лапы и дал крови стекать прямо на землю. Мухи немедленно облепили угощение, а дед неторопливо начал ощипывать курицу. Перья разлетались по двору, подхватываемые лёгким летним ветерком. Дворовой пёс крутился поблизости, учуяв добычу. Но дед Остап решительно пресекал все его попытки приблизиться к тушке. Наконец курица была ощипана, и дед Остап ловко разделал тушку на несколько частей, отделив внутренности. Пёс стоял напротив деда Остапа и нетерпеливо подгавкивал, напоминая хозяину о своём существовании. Наконец, получив отступные в виде нескольких кусочков требухи, немедленно вонзил в неё огромные клыки. В мгновение ока требуха была проглочена.

– А ну, пошёл! – прикрикнул на него дед Остап, видя псиные попытки полакомиться ещё чем-нибудь. Но пёс, почуявший, а главное, вкушивший кровь, не уходил. Он принял боевую позу, оскалил зубы и тихо зарычал. Мальчишкам было не по себе от этой сцены. Но дед Остап схватил полено и бросил его в пса. Пёс метнулся было в сторону, пытаясь увернуться, но всё

равно получил весомый удар и захромал прочь. Дед Остап в два прыжка нагнал его, схватил за шкуру и поднял как нашкодившего щенка. Худошавый дед, пошатываясь, держал на согнутой в локте руке скулящего пса.

– Ты на кого пасть разинул, гадёныш? – грозно вопрошал дед Остап. Но пёс и без того понял, что проиграл битву, и теперь только скулил. Голова собаки находилась почти на уровне головы деда Остапа, кричал он псу практически в ухо. Наконец, насладившись победой, дед Остап откинул пса в сторону. Тот, приземлившись на нижнюю часть спины, изогнувшись, подпрыгнул, выпрямляясь после падения, и, хромя и скуля, поковылял прочь.

Тем временем женщины под командованием бабы Тони замешивали тесто на лапшу. В тазик было высыпано несколько ковшиков муки, разбито несколько яиц и долита вода. Баба Тоня, закатав рукава, принялась месить тесто. Скоро её одутловатое лицо покраснело, и она стала тяжело дышать. Её тут же подменили другие женщины, свободные от застирывания грязной одежды. Тесто, доведённое до необходимого состояния, было раскатано и порезано. На чистых тряпицах будущую лапшу выставили на солнце немного подсушиться. Прошли по соседям, одалживая уже розданные хозяевам после гулянки посуду и табуретки. Дед Остап слезил в погреб, достал из кадешек соленья, пахнувшие так, что пронимало аж до самых селезёнок.

В это время девчонки, любезно принятые на постой соседкой Тамарой Алексеевной, или просто тётей Тамарой, приводили Галочку в порядок. Невеста даже по окончании официальных свадебных дней должна была выглядеть ну, если не королевой, то вполне привлекательной для своего мужа. Галочкино платье было выстирано и теперь сушилось с помощью большого, разогретого углями утюга. Через наложенную ткань девочки осторожно отглаживали и высушивали наряд. Ещё две подружки сплетали из жёлтых и белых цветов, омытых дождём, венки. Сама же Галочка была счастливо возбуждённой. Ещё бы, подряд три свадебных дня в их с Фимой честь. Она была распарена после бани и сушила полотенцем густые волосы. Девчонки весело перешучивались и обсуждали ребят. В скором времени могли состояться ещё две пары, и это несомненно требовало наисерьёзнейшего обсуждения.

– А у Валерика такие мышцы!

– А Серёжка с меня глаз не сводил!

– А тебе самой он нравится? А то смотри, у нас есть ещё девочки, кому он приглянулся!

– Но-но! К моему Серёже просьба не приставать!

– А то что?

– А то я вам причёски попорчу!

И девчонки закатывались со смеху, мечтая о серьёзных отношениях с хорошим парнем. Среди парней, что приводили себя в порядок у соседа, дяди Фёдора, разговоры ходили те же.

– А как тебе эта, с пышной попкой?

– А мне глянулась Иринка, с чёлочкой!

– Зато у Леночки такие титьки, ох бы я в них уткнулся и побарахтался до утра!

– Эй, полегче, Леночка уже занята!

– Уж не ты ли её занял?

– А хоть бы и я!

– Ну это мы ещё посмотрим! Так что, если ты на неё неровно дышишь, то нам нельзя про её титьки говорить? – и все парни ржали над влюблённым, как стадо лошадей.

– Я вам как сейчас поговорю!

Лёвчик и Яша смеялись вместе со всеми. После того, как дед Остап отрубил курице голову и поднял за шкуру своего пса, они оставили двор и ушли в избу дяди Фёдора. Им нравилось находиться среди взрослых парней, слушать, о чём те говорят. Все эти сальные и похабные шуточки им очень нравились. Парни вышучивали влюблённого товарища, всячески подзуживая его, однако не доводя дело до ссоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.